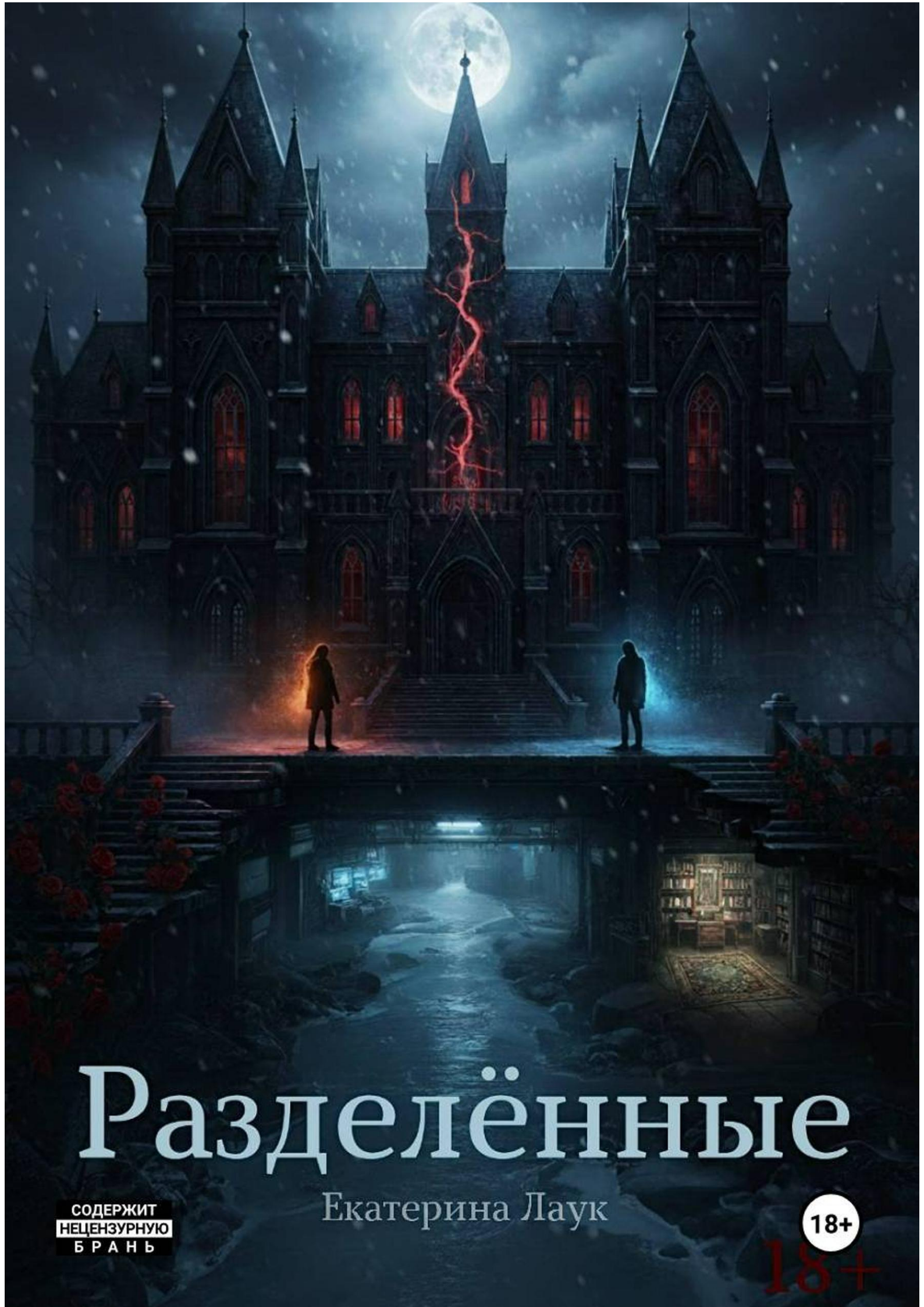

Разделённые

Екатерина Лаук

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

18+

Екатерина Лаук

Разделённые

«Автор»

2026

Лаук Е. А.

Разделённые / Е. А. Лаук — «Автор», 2026

В элитной школе «Пангея» царит идеальный порядок. Ученики «Логоса» мыслят формулами, ученики «Катарсиса» — чувствами. Карла и Марк — враги по статусу, по убеждениям, по самой структуре этого места. Но когда после летних каникул некоторые студенты возвращаются пустыми — смотрят сквозь тебя и не моргают — им приходится объединиться. Под школой скрывается уровень, которого нет на картах. Там, в стерильных лабораториях, хранятся протоколы секретной программы «Коррекция». Там же — правда, которая бьёт наотмашь: их влечение друг к другу не случайность. Кто-то вёл их по этому пути с самого первого дня. Система следит за каждым их шагом. И когда они подбираются слишком близко к истине, Пангея перестаёт быть просто школой. Она становится ловушкой. Чтобы раскрыть правду, им придётся рискнуть всем, что их программировали ценить, и довериться единственному человеку, которому доверять нельзя. Цена за истину окажется выше, чем они могли представить.

© Лаук Е. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог.	5
Глава 1. Хаос и Порядок.	6
Глава 2. Аномалия.	11
Глава 3. Под сенью ветхих переплётов.	23
Глава 4. Протокол «Коррекция».	27
Глава 5. Горький вкус победы.	36
Глава 6. Сто шагов отчуждения.	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Екатерина Лаук

Разделённые

Их любовь была запрещена дважды: сначала системой, потом - смертью. Но ни та, ни другая не смогли её убить.

Пролог.

Иногда мне кажется, что стены вокруг дышат. Они улавливают каждое наше слово, каждый смех, каждую улыбку и даже слёзы. Эти каменные стены словно сдавливают тебя со всех сторон, заставляя подчиниться и не позволяя выйти за рамки – таким образом они выдыхают в ответ тихое одобрение. Оно висит в воздухе, приторное и удушливое, как запах сгнивших цветов.

Здесь всё кажется идеальным. *Слишком* идеальным. Почему те двое у книжной полки почти синхронно поворачивают голову и убирают волосы за уши? Словно кукловод дёрнул за одну ниточку. Когда преподаватели хмурят брови, складки на их лбах появляются одновременно, одинаковой глубины. Даже дыхание в спортивном зале у всех слишком... ровное.

Но это фальшь. Я научилась это чувствовать, *они сами во мне это вырастили*, и теперь я знаю точно: *что-то не так*.

Стены настолько пропитаны ложью, что кажутся живыми. Еда, которой я питалась на протяжении многих лет, стала отдавать металлом. Теперь всё, что меня окружает, потеряло благоразумие. И самое страшное – его теряют и люди тоже. В нас вращивали ненависть и заставляли лгать. А когда ненависть вдруг даёт трещину, и сквозь неё начинает проглядывать нечто иное, живое и *неправильное*... Это замечают.

И торопятся исправить ошибку.

Глава 1. Хаос и Порядок.

Утреннее солнце пробивалось сквозь высокую оконную раму в скромной комнате общежития «Катарсиса», оставляя на подушке и на сонном лице Карлы дорожку из пыльного света. Она нахмурилась, ослеплённая, и попыталась нащупать рукой телефон, на котором трезвонил будильник уже по крайней мере три минуты.

Спустя несколько промахов, она просто уронила мобильник с прикроватной тумбочки на пол и повалилась с кровати, ища его. Выключив будильник, девушка сдула тёмно-русую чёлку с лица и оглядела свою комнату – разбросанные по стулу вещи, незакрытые коробки с книгами – беспорядок, который остался ещё со вчерашнего дня, когда она приехала поздно вечером и не успела разобрать все вещи. Но этим она решила заняться после занятий, потому что опаздывать в первый день совсем не хотелось.

Заглянув в раскрытое окно, Лайтвуд остановила взгляд на строгом, готическом крыле «Логосов» в другом конце школы. Их окна были идеально чистыми, а на подоконниках не было ни единого лишнего предмета. Там жили ученики другого факультета. Для себя она звала их зубрилами, ибо жили они по слишком строгим правилам, которые она не понимала и не принимала. Знакомая волна неприязни поднялась откуда-то снизу, сжав горло, и в голове промелькнула мысль, которая заставила её ехидно улыбнуться:

«Им там, наверное, даже спать говорят строго под хлопковыми одеялами и ложиться ровно в 22:05».

Наспех приняв душ, собрав волосы в высокий небрежный хвост и нацепив привычную чёрную форму с терракотовыми вставками, она схватила учебную сумку и поспешила на завтрак.

Просторная общая гостиная была устлана тёмным деревом. По стенам висели не портреты, а абстрактные полотна, символизирующие, как ей казалось, «единство противоположностей». Воздух пах старым камнем, воском для полов и лёгким, едва уловимым ароматом лаванды – якобы для успокоения умов. Её встретила Лив. На самом деле, девушку звали Оливия, но Карле первый вариант был больше по душе. Он выбивался из привычно строго и *идеального*.

– Мне хочется проклясть это место только за надобность просыпаться в 6 утра... Это точно не школа пыток?

– Тише, Карла! А если кто услышит? – подруга всегда была излишне осторожной. Иногда это раздражало. Но временами неплохо выручало. Так что Карла лишь слегка улыбнулась. Так радуются чему-то привычному, что вызывает у тебя тёплые чувства.

Столовая была, как обычно, наполнена запахом свежеприготовленной пищи и гулом голосов голодных студентов. Помещение было разделено надвое: слева – шумные, яркие столы «Катарсиса», справа – выстроенные в безупречный ряд, строгие столы «Логоса». Девушки пошли по привычному маршруту к столу своего факультета, где ребята во всех красках рассказывали друг другу о прошедших каникулах, в то время как стол напротив сидел довольно тихо и упорядочено. У всех ровная осанка, идеальные манеры... Иногда даже становилось жутковато. Лайтвуд думала об этом каждый раз, когда проходила мимо. И сегодняшний день не стал исключением: пробежав глазами по своим потенциальным соперникам, она уселась на своё привычное место, окидывая взглядом предложенную на сегодня еду. Что ж, а вот и самая приятная часть каждого утра.

Приподняв подбородок и смотря прямо перед собой, в столовую зашёл Марк Блэквуд, студент Логоса. Его форма была безупречно отглажена, а взгляд был направлен в некую точку на горизонте, полностью игнорируя окружающий мир. Посмотри на него и ненароком выпрямишь спину, потому что он никогда не выглядел сутулым. За весь путь до своего места парень

ни разу не посмотрел по сторонам, даже когда по бокам слышался тихий шёпот пары девушек о лучшем студенте своего факультета. Ему просто было неинтересно. А, значит, нет никакой логики в том, чтобы тратить на это своё время.

Сев за стул и придвинув его ближе к столу, он первым делом достал планшет, пробегая глазами по расписанию. Доносившиеся отовсюду разговоры слегка раздражали, но не отвлекали. Он привык. Через пару минут рядом опустился Феликс, его лучший друг. Он привычным движением указательного пальца поправил очки на переносице и начал показывать что-то на своём электронном устройстве. Никто из них не спешил приступать к завтраку. Их разговор со стороны скорее походил на совещание.

Карла закатила глаза, смотря на эту парочку. До чего же нелепо... Учёба ещё не успела начаться, а они уже бы выиграли приз лучших заучек. Она ухмыльнулась этой мысли, отправляя в рот ложку рисовой каши.

И в этот момент Блэквуд поднял взгляд. Их глаза встретились, когда девушка почувствовала холодный укол где-то под ложечкой. Знакомое чувство. Знакомое раздражение. Всё так, как и должно быть, когда смотришь на соперника. Она отвела взгляд первой, закатив глаза. Парень же оставался невозмутимым, лишь едва заметно напряглась его челюсть, но секундой позже он вернул своё внимание к расписанию.

– Я надеюсь, что в этом году меня примут в команду! Это мой последний шанс, – театрально взмахнула руками Оливия, пока девушки шли по широким коридорам на первую пару. Несмотря на свою довольно мягкую натуру, она с первого курса мечтала стать членом команды по Астральному рубежу. Ей надоело сидеть на трибунах и просто болеть за участников, она хотела быть на этом поле и выбивать победу для своей команды из рук соперников!

– Не знаю, чем тебя так зацепила эта игра. Просто беготня за каким-то шаром по всему полю, – Карла не разделяла восхищения и рвения подруги, хотя саму её не раз приглашали вступить в команду ввиду хорошей физической подготовки. И каждый раз она говорила твёрдое «нет».

– Ты не понимаешь, это такой шанс!

– Шанс быть поближе к Адаму? – подруга ухмыльнулась, зная, какую слабость Лив питала к тренеру Катарсиса. Та мгновенно залилась краской.

– Да ну, это здесь совершенно ни при чём! – ну да, как же...

– В любом случае, не важно, примут они тебя или нет. Не забывай, что итоговое решение принимают именно логосы, – она не сдержала раздражения, проскользнувшего в её голосе. Ей казалось это не справедливым, но члены комиссии решили именно так, ведь логосы будут опираться на логику и расчёты – сможет ли этот человек выдержать нагрузку и всё в этом роде...

– Алекс! – завидев однокурсника, девушка встрепенулась. Парень как-то слишком резко остановился и развернулся к ней.

– Привет, Карла.

Кровь прильнула к щекам, когда девушка поняла, что не видела его целое лето. Не сказать, что она была влюблена, просто когда-то... Ещё на средних курсах, в возрасте семнадцати лет она отметила его яркость и непохожесть на других. Всегда одет по форме, но яркие детали в одежде или аксессуарах выдавали личность, будь то разноцветное ожерелье или ярко-красные носки. Карла искренне восхищалась, потому что хотела также. Возможно, ей даже нравился не он, а его умение выразить и показать себя.

Её привлекала его смелость.

– Как ты? Как прошли каникулы? – её искренняя улыбка начала медленно сползать с лица, когда она посмотрела ему в глаза. Они были стеклянными, пустыми, как у дорогой фарфоровой куклы.

Он как будто смотрел сквозь неё.

– Славно. Как твои? – голос был ровным, монотонным, без единой эмоциональной ноты. Лайтвуд осмотрела его волосы. Идеально уложены. Зализаны.

Алекс всегда был слегка взлохмаченным.

Его одежда... Была просто формой. Чистой и идеально отглаженной. Без единого намёка на украшение. Это... Это был не он.

Не услышав ответа, парень просто развернулся и пошёл дальше. Без какой-либо эмоции на лице. Карла посмотрела ему вслед, чувствуя бегущие по спине мурашки и лёгкую тошноту. Она тяжело сглотнула, наполняясь неприятным предчувствием.

– Эй! Ты чего? – до её плеча дотронулась Оливия, возвращая в реальность.

– Ты его видела? – шёпотом.

– Да. Что тебя так удивило?

– Да он же был похож на робота!

– По-моему, ты перегибаешь. Кончай смотреть триллеры и детективы перед сном, – она хотела пойти дальше, но Карла схватила её за руку.

– Ты не понимаешь. Он, он... Другой, – не понимая, какое именно прилагательное назвать, она выпалила самое очевидное. – Даже одевается по-другому!

– Нашла чему удивляться. Может, человек просто повзрослел, сменил стиль. Не раздувай из мухи слона, – блондинка пошла дальше по коридору, и Карла внезапно осознала очевидное.

Она не поймёт.

Хотя... Может, она даже была права. И Карла просто себя накрутила.

Но это точно был не тот Алекс, которого она когда-то знала.

Кому нужно было делать первой парой историю искусств? Ещё и совмещать её с логосами. Прекрасное начало первого учебного дня. Аудитория для общих занятий была просторной и светлой, с высокими окнами. Парты стояли амфитеатром, но негласная граница между факультетами проходила ровно по центру зала. Девушки заняли привычное место посередине ряда и начали раскладывать вещи. Обычно на этом предмете ничего, кроме планшета, на который передавались изображения преподавателя, не нужно было. Лайтвуд пробежалась взглядом по классу. Казалось, ничего не изменилось и не было этих трёх беспечных месяцев лета. Словно только вчера они сдавали последний экзамен и собирали вещи домой.

– Доброе утро! Надеюсь, вы все хорошо отдохнули, потому что этот год обещает быть для вас очень плодотворным.

Миссис Канава. Она казалась немного... странным человеком. Может, это было в силу её возраста, а, может, такой её сделало многолетнее преподавание в этой школе, но она никогда не повышала голос и больше любила наблюдать, чем говорить. Поэтому на своих занятиях она старалась максимально вовлекать учеников в дискуссии. Которые, правда, очень часто перерастали в конфликты...

– Этот семестр у нас посвящён рассуждениям о картинах великих художников. Построим ход занятия с вами так, – она вдруг начала медленно ходить вдоль рядов. – Включите, пожалуйста, ваши планшеты, – она также взяла в руки свой. – Сейчас на них придёт изображение с картиной, которую мы будем обсуждать сегодня.

Через пару мгновений послышались короткие всплывающие звуки – знак того, что изображение успешно передано. Карла опустила взгляд на своё устройство, и перед ней предстала картина с изображением моря во время шторма. Но это не выглядело как обычное реалистичное изображение. На левой половине картины волны вздымались в виде бешеных, клубящихся спиралей и клякс. В них можно разглядеть лица тонущих людей, гримасы боли и ужаса. Мачта корабля ломалась в форме молнии. Цвета – яростные: киноварь, ультрамарин, изумрудная зелень.

На правой половине – те же самые волны, но замороженные, переведённые в идеальные математические формулы. Они изображены как серия безупречных синусоид и диаграмм. Корабль превращён в чертёж с размерами и расчётами давления. Цвета – холодные: серый, стальной, серебряный с вкраплениями строгого индиго. Две половины встречались в центре картины, создавая вихрь из брызг, цифр, обломков и геометрических фигур. Это эпицентр борьбы. Краски яркие, мазки – то резкие и хаотичные, то вдруг собранные в идеальные геометрические формы. Чувства при виде этой картины у Карлы возникли странные. Впервые что-то нарисованное её вдруг так зацепило. Словно это было не просто изображением... А чем-то живым. Чем-то, что касается её.

– Эта картина называется «Хаос и Порядок», – продолжила миссис Канава. – Её написал выдающийся художник-визионер Элиос Гилберт. Гениальный человек... – она вдруг притихла, с заговорщической улыбкой разглядывая полотно на своём планшете. – Он не просто изобразил шторм, – продолжила она, убирая устройство за спину. – Он показал извечную борьбу двух сил – стихийной, почти животной природы и человеческого разума, пытающегося её укротить и понять, – она обвела взглядом весь класс. – Ваши мнения?

Поднимать руку никто не торопился. Видимо, странность картины поразила не только Карлу. Первый ученик катарсиса решился поднять руку. Преподавательница медленно кивнула, позволяя ему ответить.

– Смотря на эту картину, я испытываю странные чувства. Как будто во мне вспороли что-то живое, а затем, не зашивая, залили это все каким-нибудь гипсом, наплевав на то, как будет заживать.

– Очень интересно, мистер Скотт. Кто ещё хочет высказаться? – она посмотрела в сторону логосов. Девушка с пепельными волосами подняла руку. – Прошу вас, мисс.

– Я вижу в этом совершенно логичную метафору от автора: всё живое в этом мире имеет свойство разрушаться без возможности исцеления, в то время как то, что построено на логике и чертежах, долгосрочно и остаётся практичным даже во время шторма. Так что всякая борьба бесполезна.

– Да!

– Правильно.

Её речь подхватили её же сокурсники. Но Карла была совершенно не согласна...

– Интересные мысли. Мистер Блэквуд, ваше мнение? – Карла метнула взгляд в его сторону. Он слегка приподнялся и ещё сильнее расправил плечи, наверняка формулируя в голове отточенный ответ. *Чтобы без единой ошибки.*

– Я считаю, что эта картина демонстрирует эволюцию: от хаоса к порядку. От животного страха к интеллектуальному контролю. Левая часть – это вопрос. Правая – чёткий и элегантный ответ.

В груди у Карлы что-то ёкнуло, а затем закипело. Немыслимо! Ей показалось, что он буквально сейчас оскорбил все существующие чувства и людей, которые их принимают. Словно на Катарсисе учились обезьяны, отставшие от развития.

– Элегантный? – вырвалось у неё, и голос прозвучал громче, чем она планировала. Взгляд Марка обратился к ней. Его глаза сузились, в них мелькнуло холодное любопытство. – Это совершенное бездушие! Автор картины похоронил все чувства под грудой цифр!

– Он лишь придал им форму. То, что ты называешь *чувствами*, чаще всего лишь недостаток данных, – он отвернулся, уверенной в своей правоте. Но Карла ещё не закончила:

– То, что называешь данными, чаще всего лишь оправдание для того, чтобы ничего не чувствовать! – с её ряда послышался одобрительный шёпот. Блэквуд медленно развернулся к ней всем телом. Его поза выражала холодное презрение.

– Чувства – ненадёжный источник информации. Они искажают картину.

– А твои данные не рисуют вообще никакой картины! Только схему! Схему, в которой нет места ничему настоящему!

– Твои «настоящие чувства» бесполезны. Они ничего не меняют.

– Они делают нас людьми! А не бездушными калькуляторами!

Они уткнулись взглядами друг в друга, как два кинжала. В классе повисла напряжённая тишина, что нарушалась тяжёлым дыханием Карлы. Она сжала кулаки, чувствуя, как кровь приливает к лицу. Кажется, даже ветер за окном стих, наблюдая за противостоянием факультетов. В спор вмешалась миссис Канава, говоря довольным тоном:

– Потрясающая диалектика! Мисс Лайтвуд, мистер Блэквуд, молодцы. Оба ваших подхода имеют право на существование. Но именно их противоборство и рождает истину. Давайте взглянем на следующую картину... – она снова уткнулась в планшет, и только после этого студенты отвернулись друг от друга.

Сердце Карлы бешено колотилось. Она только сейчас заметила, что продлился этот спор на минуту дольше – она бы уже поднялась со стула на эмоциях. А до тех пор она просто прожигала взглядом Блэквуда, чувствуя, как всё внутри буквально кипело от возмущения и... странного, адреналинового возбуждения.

– Обалдеть просто! Что вы устроили?! – шепнула с искренним изумлением Лив.

– Я поражён, Марк. Это действительно был впечатляющий спор, – заключил Феликс, поправляя очки за дужки.

– Это был не спор, – тихо, сквозь зубы, сказал Марк, всё ещё глядя перед собой. – Это была демонстрация ошибки мышления.

Карла услышала это. И снова почувствовала тот самый холодный укол в груди. Но на этот раз к нему примешалось жгучее желание доказать ему, что он неправ. Во что бы то ни стало.

Глава 2. Аномалия.

Первые три дня предпоследнего учебного года выдались пустыми. Пустым вдруг стало казаться всё – однокурсники, лекции, задания, даже еда. Хотя, казалось бы, преподаватели остались теми же, окружающие тоже... Но просыпаться почему-то становилось всё труднее, потому что желания было всё меньше. Казалось, сама «Пангея» после лета вдохнула глубже и теперь выдыхала не просто одобрение, а лёгкую, удушливую скуку, замешанную на ожидании.

На часах было 06:00, когда Марк открыл глаза, услышав будильник. Он не стал его переставлять и откладывать. Выключил и тут же поднялся. Никакого соблазна лечь обратно. Прямиком в ванную комнату. Ледяной бодрящий душ. Идеально заправленная кровать. С вечера подготовленная форма. Каждое утро Марк тратил ровно двадцать минут на сборы, ни на что не отвлекаясь. Сегодняшний день не стал исключением.

В 06:20 он уже спускался в просторную, выдержанную в холодных серо-стальных тонах гостиную Логоса, тишина которой нарушалась лишь монотонным, убаюкивающим гулом серверов. На стенах – привычные графики, формулы. А над входной дверью:

«Логика – это бог мыслящих». Лион Фейхтвангер.

Впервые заметив эту надпись, парень осознал, как сильно она совпадала с его мировоззрением. Чуть позже он просто каждый день с ней соглашался. Сейчас, спустя десять лет, она уже стала надоедать. Он чувствовал её каждой клеткой своего существа, и это чувство стало похоже на тесный, но идеально сшитый костюм – удобный, но не дающий вздохнуть полной грудью. Так что задерживаться на ней не стал.

Уже на выходе его встретил Феликс, по привычке приветствуя анализом расписания на текущий день. Они добрались до Общего зала, составляя алгоритм максимально эффективного дня.

– Ты уже изучил список тех, кто сегодня пробуете в команду Катарсиса?

– Да.

– Считаю его максимально нелогичным.

– Согласен. Думаю, они просто не понимают, что эффективность их команды падает на пятнадцать процентов из-за одной только эмоциональной нестабильности игроков. Это их слабое место, о котором знает вся наша команда.

Лучший друг активно с ним соглашался, приводя свои аргументы и доводы, и они довольно быстро добрались до нужной точки. Обогнув снующую толпу студентов, боящихся пропустить завтрак, парни уже держали путь к своим привычным местам. Марк слегка хмурился, произвольным движением пальца постукивая по краю планшета, выводя в уме формулу дискомфорта. Шум в этом помещении точно превышал восемьдесят семь децибел. Некоторые сидели с уже пустыми тарелками, но теперь тратили время на пустую болтовню, а, значит, коэффициент бесполезной траты времени – шестьдесят три процента. Его взгляд на секунду зацепился за шумный стол на другой половине. Там кто-то громко смеялся, запрокинув голову. Марк почувствовал лёгкое, почти физическое раздражение – как скрежет металла по стеклу.

Как обычно, катарсисы нарушают идеальный порядок, который мог бы быть.

Уже под конец завтрака внимание всех студентов привлёк громкий мужской голос, словно доносившийся отовсюду. Он оглашал о сегодняшних пробах.

– Уважаемые студенты! Довожу до вашего сведения, что пробы в «Астральный рубеж» пройдут сегодня после третьей пары в 13:30. Просьба не опаздывать и отнестись со всей серьёзностью. В этом году помимо тренерского штаба финальное решение будут принимать аналитики «Логоса». Всем спасибо за внимание!

По залу (в особенности по противоположному столу) прошёлся напряжённый шепоток. Катарсисы наверняка были возмущены тем фактом, что «в жюри» будут сидеть их враги, и совсем не важно, что решение всё равно будет независимым для каждого. Марк лишь коротко ухмыльнулся, ведь одна из таких ролей досталась ему не только как лучшему игроку, но и как лучшему студенту на курсе. А значит, он сделает всё, чтобы оправдать доверие. Парень мысленно уже составлял алгоритм оценки: разложит каждого претендента на цифры, коэффициенты и проценты, выведя идеальную, бесстрастную формулу успеха.

– О-о-о, Боги, я так переживаю! Карла, ты же пойдёшь со мной? – Лив вцепилась ей в руку после этого объявления так, словно хотела содрать сразу несколько слоёв кожи.

– Что мне там делать? В команду же пробуешься ты.

– Пожалуйста, прошу! Мне будет легче с твоей поддержкой, – она посмотрела на подругу умоляющими глазами, и та, поразмыслив ещё около пяти секунд, сдалась.

– Ладно...

– Ура! Спасибо, спасибо, спасибо, – Лив бросилась её обнимать, и Лайтвуд искренне улыбнулась.

На самом деле, она согласилась, потому что немного не поняла фразу в объявлении «помимо тренерского штаба финальное решение будут принимать аналитики Логоса». Что это вообще за новые правила? Теперь последнее слово за школьниками? Которые ещё не возымели даже диплома? Что ж, очень интересно, кто же такой хорошенький удостоился этой чести...

Библиотека «Пангеи» была её тихим убежищем. Высокие потолки, уходящие в полумрак, древний запах старых книг и воска для деревянных столов – здесь время текло иначе. Привычная тишина действовала успокаивающе, помогая сосредоточиться на докладе. Но мысли Карлы то и дело возвращались к недавней встрече с Алексом. Она совсем его не узнавала и уже не понимала, это у неё какие-то проблемы с головой или с парнем действительно было что-то не так. В попытке отвлечься девушка окинула взглядом столик, за которым сидела, и наткнулась на старый выпуск школьной газеты. Она была не любительницей этого чтива, но что-то потянуло её раскрыть страницы.

Рядом с текстом была фотография, яркая и живая, на которой запечатлён Алекс со своей знаменитой улыбкой в тридцать два и разноцветными носками после победы в соревнованиях в прошлом году. Он был живым – весь, от взъерошенных волос до обезоруживающей улыбки. Совсем не то *существо*, что она встретила тогда в коридоре. Контраст двух личностей стал для девушки ещё более явным.

Мысли об очевидно происходящем постепенно заполняли сознание, как вдруг всё её тело внезапно напряглось. Где-то в самых глубинах здания, за стенами, скрытыми полками с книгами, зародился низкочастотный гул. Он был едва слышен ушам, но отзывался неприятной вибрацией в костях, в зубах, в самой середине груди. Она обернулась. Другие ученики сидели неподвижно. Никто ничего не слышал. Лёгкая головная боль нарастала, сжимая виски плотным обручем, а чистая, животная интуиция заставляла сердце биться чаще. Она поднялась с места и прислушалась, и ноги сами понесли её навстречу странному звуку. На неё странно покосилась студентка Логоса, что сидела за столиком напротив. Карла шагнула вглубь библиотеки, в сторону глухой каменной стены, за которой, как ей помнилось, ничего не было. Она не знала, куда идёт и зачем, но усилившийся гул только подталкивал вперёд. Ступив на ковёр, она остановилась. Тишина. Гул исчез так же внезапно, как и появился, оставив после себя лишь звенящую пустоту в ушах и осадок необъяснимой тревоги. Может, всё-таки показалось или...

– Вот ты где! – громким шёпотом воскликнула Лив, и студентка резко обернулась. – Идём! Уже совсем скоро начнётся.

Лайтвуд вдруг хотела спросить, о чём речь, но, увидев, что подруга оделась в спортивную форму, одёрнула себя. Они направлялись на пробы в «Астральный рубеж».

Спортивный комплекс «Пангеи» был огромным и технологичным. В центре сияло идеально ровное поле для игры, окружённое рядами пустующих трибун. Студенты заняли только первые ряды, и там – те, кто пришёл пробоваться, и те, кто решил их поддержать. Марк уже был на своём месте среди судей, но до начала ещё было минут пятнадцать. Решив не терять время зря, он открыл планшет, дабы ещё раз ознакомиться с архивом спортивных результатов, доступ к которому он получил от старшего тренера.

Пробегаая глазами по знакомому графику, он вдруг заметил то, чего не видел раньше – слишком идеальная корреляция. Статистика показывает, что несколько учеников, показывавших ранее яркую, но нестабильную игру, после летних каникул вдруг стали показывать средние, безупречно предсказуемые и не изменяющиеся результаты. Их индивидуальность, их творческий почерк исчез без следа.

Нахмутив брови, парень стал размышлять. То, что он видел, настораживало. Потому что это противоречило теории развития. Это было похоже на то, как если бы уникальные, шероховатые, но живые алмазы прошли через шлифовальный станок и превратились в идеальные, безликие шарики подшипников.

«Такое ощущение, что им просто... сбросили настройки до заводских», – холодная мысль пронеслась в голове, словно кто-то закинул удочку в море и вытащил оттуда ледяную, отвратительную истину.

Но от размышлений его отвлёк голос старшего тренера. Он взял в руки микрофон, стоя посередине поля:

– Уважаемые студенты, приготовьтесь, мы начинаем. Пойдём по списку, и первый у нас...

Марк Блэквуд скрыл открытую закладку на планшете и убрал его на край стола. Теперь перед ним пустовал бланк, который в конце проб должен был быть заполнен каждым пробующимся учеником или ученицей.

– Питер Макконари, прошу.

Следующие 40 минут прошли нервно и напряжённо. За это время они посмотрели человек десять, но отобрали только двоих. Кто-то уходил с поля ни с чем уже на пятой минуте, а кого-то смотрели до конца, стараясь разглядеть со всех сторон. Когда выходил следующий, Марк устал потёр глаза и уже через секунду вернул взгляд на поле.

Теперь там стояла девушка, казавшаяся ему знакомой. Кажется, она была его однокурсницей. Однокурсницей с Катарсиса. Что ж... До этого пробы проходили только логосы. Парня это немного удивляло, так что он с интересом стал наблюдать за тем, как с испытаниями справится она.

– Ваше задание на сегодня... – начал Адам. – работа с «ядром». Напомню, что под «ядром» мы понимаем энергетический шар.

Задание было не из лёгких. Вернее, оно было одним из самых сложных. Оно требовало не только силы, но и тонкого чувствования энергии. Оливия стояла, слегка поджав губы, её плечи были напряжены. Глаза девушки начали бегать, а руки цепляться друг за друга. Кажется, она нервничала. Едва заметно она обернулась, ища кого-то взглядом в толпе на трибуне, и Марк проследил за её взглядом.

Подбадривающе выставляя палец вверх, за пробами следила Лайтвуд. Да уж, кого-кого, а её парень ожидал и хотел здесь видеть в последнюю очередь. В памяти тут же всплыл недавний спор о картине на уроке. Её горящие глаза, сжатые кулаки, дрожащий от сдерживаемых, но рвущихся наружу эмоций голос. Её... уверенность в своей правоте действовала на нервы. Как что-то, выходящее за рамки. Парень искренне не любил всё, что выходило за рамки разумного.

А она вышла. Он уверен, не будь там преподавателя, она бы кинулась на него, намереваясь если не словами, то силой доказать важность... чувств? Так вроде она говорила.

«Чувства – ненадёжный источник информации. Они искажают картину», – мысленно повторил он своё кредо, пытаясь вернуть себе привычный холод. Но почему-то в этот раз оно не сработало. Вместо раздражения он почувствовал странное любопытство, похожее на желание разобрать сложный, но интересный алгоритм. Он не понимал, почему, но что-то заставляло его продолжать смотреть в её сторону, потому что вдруг стало интересно...

Как далеко она сможет зайти в своей агрессии?

Тем временем на поле Оливия боролась. Шар послушно парил перед ней, но её движения были скованными, лишёнными той самой интуиции, которую искали тренеры. Она старалась, слишком старалась, и от этого выглядела механическим роботом, пытающимся подражать живым. Шар медленно опустился прямо рядом с лицом девушки. В её глазах явно читался страх, но не перед предметом, а перед возможностью неудачи. Значит, она была явно не уверена в своих силах.

Что ж, это можно добавить в бланк. Марк с лёгкой досадой поставил галочку напротив пункта «неуверенность, ведущая к ошибкам в стрессовой ситуации».

Первые пять минут всё шло довольно хорошо. По крайней мере, было видно, что девушка сильно старается. Но этого было недостаточно. Она действовала слишком механически. В этом испытании как раз и нужно проявлять интуицию. Катарсисы были в этом сильны. Ей пошли навстречу. Но девушка явно этим не пользовалась.

Прошло ещё десять минут, и «игра с шаром» должна была подходить к концу. Если всё это время задача состояла только в том, чтобы аккуратно вести и направлять, последним шагом нужно было взять его в руки и «успокоить» своей энергией. Или, как бы сказал Марк, просто выключить. Когда блондинка протянула к шару свою руку, он вдруг начал издавать громкие прерывистые звуки и дёргаться в разные стороны. Светящаяся сфера замигала, завывала, как сирена, и начала метаться по полю, словно дикое животное в клетке. Это походило на какой-то технический сбой, и Блэквуд резко поднялся со стула, готовый в любой момент вмешаться. Но тренер одним движением руки показал, что этого делать не надо.

Очевидно, они решили посмотреть на реакцию Оливии в стрессовой ситуации. Ведь таких на поле будет немало.

Испуганно озираясь по сторонам, девушка отдернула руку и замерла в ступоре. Её лицо побледнело, губы задрожали. Следившие за происходящим претенденты начали перешёптываться, а шар «визжал» всё громче. Взор всех членов жюри неожиданно пал на девушку, которая за секунду перепрыгнула через ограждение и помчалась в сторону шара.

Лайтвуд.

Что она о себе возомнила? Это было совершенно несанкционированно и противоречило всяким правилам проб и безопасности. Но, кажется, в глазах старшего тренера мелькнуло любопытство. Студентка за минуту преодолела огромное расстояние на поле и, оказавшись рядом с ядром, совершила нелогичный, инстинктивный жест – просто обхватила его двумя ладонями, прижимая к груди, словно успокаивая испуганного ребёнка, и то замолчало. Сначала стихли все звуки, а потом потухло свечение.

Оно выключилось.

Она его выключила.

Наступила оглушительная тишина, которая нарушалась лишь тяжёлым дыханием Карлы. Оливия стояла в ступоре, всё такая же напуганная, а члены жюри не находили слов, чтобы прокомментировать этот поступок. Это было совершенно безрассудно и... удивительно точно и эффективно. Марк сжал зубы, ощущая, как по его идеальным расчётам поползла трещина.

– Коллеги... – начал Адам, но Блэквуд вдруг его перебил. Его голос прозвучал резко и металлически, как у робота, в котором заклинило программу:

– Я считаю, нужно обнулить результаты для текущего прослушивания. Нарушены все протоколы безопасности, а ко всем прочему...

– Мистер Блэквуд, – не дала ему закончить старший тренер катарсиса. – Не думаю, что стоит так распалтёсаться. Мы все прекрасно видели, *что* сейчас произошло, и, уверена, поражены не меньше вашего. Но лично моё поражение очень приятное.

– Соглашусь с Элис, у девушки явно прирождённый талант справляться с ядром, обычно такому мы обучаем по несколько лет. Мисс... – он вдруг обратился к брюнетке, продолжающей сжимать сферу в руках.

– Лайтвуд, сэр.

– Отлично. Мисс Лайтвуд, прошу, можете отпустить ядро и взять его снова? – её брови сошлись на переносице. – Смелее.

Карла, всё ещё на взводе, с вызовом посмотрела сначала на тренера, потом на Марка, и разжала руки. Если бы это был сбой или шар просто сломался, он должен был упасть, но... он просто повис в воздухе. А когда она взяла его снова, он вспыхнул ровным, мощным светом, словно признавая в ней свою хозяйку.

– Удивительно! – восторгалась Элис. – Это дар. Мы не можем его потерять.

– Да, вы правы... Такое определённо надо развивать. Мисс Лайтвуд, вы бы хотели вступить в команду?

– Я... – она была совершенно поражена и не находила слов для ответа. Её взгляд метнулся к Оливии, которая смотрела на неё не с благодарностью, а со жгучей обидой. – Вообще-то, я не собиралась проходить пробы.

– Но прошли их! Поздравляю. Будем ждать вас послезавтра на первой тренировке.

– Подождите...

– Следующий!

Марк внимательно следил за тем, как Лайтвуд повернулась к подруге, но та смотрела лишь с презрением, резко отворачиваясь. Неудивительно, если учесть, что та заняла её место. Возможно, даже украла мечту. Но это всё было совершенно нелогично... И это выводило из себя больше всего.

Парень сел на место, смотря за тем, как спина Лайтвуд удалялась с поля. Он продолжал смотреть другие пробы, но из головы не выходила эта сцена. Он мысленно прокручивал её снова и снова, пытаясь разложить на составляющие: скорость её реакции, траекторию движения, точность жеста. Но цифры не складывались в объяснение. Это был чистый неконтролируемый хаос. И он... победил. Теперь девушка вызывала недоумение. Только и всего. Как... как какая-то аномалия.

Марк очень хотел злиться, только вот... Всё тело горело не от привычного раздражения, а от острого, щекочущего ум интереса. Потому что ему всегда были любопытны аномалии.

– Лив, подожди! – девушка бежала за ней через поле, затем до школы, окликая, но та продолжала игнорировать. – Да стой же ты! – она дёрнула подругу за плечо, и та вдруг резко развернула корпус и остановилась. Её глаза пылали от злости, к щекам прилила кровь, а губы едва заметно подрагивали.

– Зачем ты это сделала? – в её голосе холодная и непривычная ярость.

– Я не хотела! Это всё...

– Неправда! – голос сорвался на крик. – Уж я то знаю, ты всегда стремилась быть в центре внимания, а этот «спасательный порыв» был не ради меня. Это был жест превосходства, и совершила ты его только ради себя! Чтобы все увидели героический поступок Карлы Лайтвуд!

С каждым сказанным словом Карлу всё дальше отбрасывала от подруги невидимая волна обиды. Из-за неё вдруг стало сухо во рту, в горле встал ком, и все слова, которые она хотела сказать, вылетели из головы.

– Зачем ты так? Я... я правда только хотела помочь. Помочь тебе! – она сделала шаг к подруге, но та не позволила подойти, выставя перед собой ладонь.

– Ох, да, конечно. Я тебе не верю. Ты знала, как я мечтаю попасть в команду, и отняла последний шанс! Ты украла его у меня!

– Не моя вина, что ты не справилась с заданием! – вдруг вырвалось у Карлы, и она тут же пожалела. Слова повисли в воздухе, острые и ядовитые, как осколки стекла. Оливия замолчала, прожигая её стеклянным взглядом, как будто прогоняя в голове эти слова ещё раз и думая... Она точно не ослышалась?

– Моя вина в том, что я выбрала стать твоей подругой, – она ушла. Выплюнув эти слова в лицо, она просто развернулась и уверенным шагом пошла прочь с улицы, оставив Карлу одну в гулкой, давящей тишине.

Карла стояла, сжигаемая изнутри чувством вины, и не понимала, стоит сейчас пойти следом или лучше оставить её одну? Чёрт... И зачем она только побежала к этому шару? Это был чистой воды порыв, она не думала о последствиях или о том, *зачем* это делает, просто ноги сами понесли туда. Девушка просто хотела как лучше. Только вот «как лучше» вылилось в то, что её лучшая подруга теперь её ненавидит, а свободные раньше часы она впредь будет убивать на тренировках в команде, в которую попадать не хотела.

И во что она только ввязалась? Сама виновата...

Может, Блэквуд был прав. Может, иногда ей не стоит заглушать голос разума. Только проблема была в том, что даже сейчас, когда чувство вины поедало душу изнутри, разум считал, что она сделала всё правильно.

Следующие два дня были совсем непривычными... Карла ни с кем не общалась и встречалась с Лив только на общих занятиях. Если она и хотела как-то поговорить, то подруга её присутствия намеренно избегала. Их взгляды больше не встречались, а если и сталкивались, то Лив тут же отводила глаза. Это давило на большое. Потому что ближе неё у неё никого в этой школе не было. А сейчас единственный человек, который её понимал, видел в ней призрака. Или не видел никого. Как будто Карлы Лайтвуд и не существовало вовсе.

Паршиво.

Настроение было на дне, особенно, когда она переодевалась в спортивную форму Катарсиса. Терракотовая ткань обтягивала фигуру, подчёркивая каждую линию. Она чувствовала себя голой и уязвимой. Кто вообще придумал такие упругие штаны? Неужели в них и правда удобно играть? Девушка ещё долго пыталась понять, как и куда надевать защиту, а когда посмотрела на часы и увидела **14:05**, выскочила из раздевалки.

Первая тренировка, а она уже опоздала. Вдалеке в одну ширинку построилась команда. Тренер шагала туда и обратно, говоря о чем-то, и Карла ускорила, почти перейдя на бег. Надеясь остаться незамеченной, она встала последней и окинула взглядом игроков. Парень рядом с ней странно покосился и отвернулся.

Блеск.

Она заскользила взглядом дальше, наткнулась на тренера, а после и на тех, кто стоял позади него. Какого черта здесь забыл Блэквуд? И его... дружок, как его там... который, печатая что-то на планшете, поправлял на переносице сползающие очки.

Оказывается, Марк смотрел на неё уже какое-то время. Она проследила за его взглядом, который вдруг бегло прошёлся по её фигуре, ошупывая каждую деталь с холодной, аналитической оценкой, из-за чего ей инстинктивно захотелось прикрыться и спрятаться. Приподняв брови, он без какого-либо интереса отвернулся. Показушник. Что он вообще здесь забыл? Его факультет тренируется в другое время. Да и он одет совсем не по форме. Его тёмные джинсы и серая водолазка казались чем-то инородным среди яркой спортивной формы, подчёркивая его статус наблюдателя.

– Прошу также поприветствовать двух новеньких. Карла Лайтвуд и Майк Беннет, – ну нет, только не это... – Ребята, сделайте шаг вперёд.

Почему-то чувствуя себя униженной, Карла шагнула синхронно со смуглым парнем. Они одновременно повернулись друг на друга, и тот заговорщически улыбнулся. Та в ответ лишь приподняла правую бровь, не отвечая взаимностью, и взгляд парня опустился ниже.

Нет, ну точно, она уже ненавидела эту форму!

Улыбка мулата стала ещё шире и хитрее, когда он медленно прошёлся им до самых ног и вернулся к глазам. До чего предсказуемо. Он подмигнул ей, и она отвернулась, складывая руки на груди.

– Пока остальные разминаются, я подробно ознакомлю вас с правилами игры.

Игроки разбрелись по полю, кто-то начал бегать, кто-то делать упражнения, кто-то приседать. Для каждого разминка проходила по-своему, и Карла заметила, как Блэквуд со своим дружкой о чём-то переговаривались и, кажется, пока потеряли всякий интерес к команде.

– Привет, крошка, – раздалось откуда-то справа, и брюнетка развернулась. Ну, конечно.

– Не имею ни малейшего желания обмениваться любезностями. Тем более с тобой, – его брови с интересом взметнулись вверх, а в глазах загорелся интерес. Он подошёл ближе. Носа коснулся густой аромат дешёвого мужского геля для душа с запахом морозной свежести и... табака? Да, так определённо пахли сигареты. Видимо, парень был из курящих. Запах был агрессивным и неприятным, заставляя её подсознательно отстраниться.

– Знаешь, а я вот, напротив, прямо *чувствую*, что мы обязаны познакомиться поближе, – Лайтвуд приоткрыла пухлые губы, чтобы ответить, но к ним вдруг подошла тренер, прерывая разговор.

– Так, думаю, что с какой никакой базой вы ознакомлены, так как следили за игрой все эти года, хоть и со стороны зрителя. И всё же, правила, когда ты сам игрок, немного отличаются.

Девушка окончательно отвернулась от парня, пока тот не упустил возможности разглядеть её профиль с мыслями о том, что этот разговор явно не будет последним.

– В матче участвуют две команды по 7 игроков и сражаются на овальном поле за обладание «Ядром» – светящимся энергетическим шаром, который парит в воздухе на уровне пояса. Цель – занести Ядро в «Врата Синтеза» противника (энергетическое кольцо в воздухе на разных концах поля). За один гол дается десять очков. Победит тот, кто первый наберёт пятьдесят, – пока довольно просто, Карла это и так знала. – Вся сложность игры в том, что вы должны не только действовать по интуиции или импровизировать. Вам критически необходимо научиться просчитывать ходы противника наперёд, предсказывая его следующий шаг или рывок. Этому вы будете учиться, – на этой фразе Карла почувствовала на себе чей-то тяжёлый взгляд. Но не справа от себя. А справа от тренера.

Блэквуд, доселе расхаживая по полю и о чём-то переговариваясь с Феликсом (так, кажется, звали того парня в очках), теперь стоял рядом с Элис, их тренером, и в его глазах плясали весёлые огоньки. Он что, смеялся над ней?

– Впрочем, довольно слов, присоединяйтесь к разминке.

Женщина направилась к кучке собравшихся вдалеке игроков, продолжающих разминку, и новенькие последовали за ней. Проходя мимо Марка, брюнетка нарочно выпрямилась и вздёрнула курносый нос, тем самым показывая, что его игры ей совершенно неинтересны. И то, *что* его вдруг так развеселило, тоже.

Она удалялась, чувствуя на спине его взгляд. А когда вдохнула чуть глубже, нос уловил другой, совершенно иной запах. Лёгкий, почти неуловимый шлейф его парфюма – холодный, как утренний воздух после мороза, с нотками свежескошенной травы, пергамента и чего-то ещё... металлического, почти электрического. Он был чистым, строгим и невероятно сложным, как и сам его обладатель. Запах заставил её замедлить шаг на долю секунды, вызвав стран-

ную, мгновенную реакцию – какое-то острое, колючее любопытство, смешанное с привычным раздражением.

Её первая тренировка пройдёт хуже некуда.

Парни, выполняя задание по аналитике, внимательно следили за игрой, делая пометки в планшете и изредка комментируя чьи-то действия. Обычно они сравнивали получившийся отчёт уже после. Единственное, что говорило громче слов, это их взгляды друг на друга, когда Лайтвуд раз за разом совершала разного рода ошибки: не заметила игрока, пропустила ядро, споткнулась. Было очевидно, что тактику она ещё не понимала.

И за что только взяли в команду?

Это только в очередной раз подтверждало убеждение Марка в том, что нельзя принимать такие важные решения, просто потому что *им показалось, что она должна справиться*.

Вот Лайтвуд остановилась, опираясь о собственные колени и пытаясь отдышаться. Капельки пота стекали по её виску и шее, сливаясь у выреза майки. Её грудь быстро вздымалась, а щёки горели румянцем. Парень не упустил возможность пустить колкое замечание. Он крикнул так, чтобы она точно услышала:

– Мисс Лайтвуд, ваша хаотичность снижает эффективность команды на двадцать процентов. Будьте уже повнимательнее.

Она повернулась в его сторону, прищурившись. А когда разглядела силуэт и убедилась в том, кто произнёс эти слова, медленно выпрямилась. Её сбивчивое дыхание никак не могло прийти в норму, а значит и сил для ответа тоже не было. Но за неё говорили глаза. Потемневшие, горящие от раздражения глаза.

Как привычно и предсказуемо, Карла.

Был ли это парадокс, что он мог предвидеть чувства, которые у неё вызовут его слова?

Девушка медленно отвернулась, сжав зубы, и быстрым шагом, переходящим в бег, начала пересекать поле, возвращаясь в игру. Улыбаясь собственным мыслям, совершенно довольный собой, Марк посмотрел на друга. Тот уставился на него со смесью непонимания и вопроса на лице.

– Что? – не понял этого жеста Марк.

– Зачем ты это сказал?

– В смысле?

– Не выходи за рамки задания. Нам было сказано только проанализировать, а не направлять, – Феликс говорил со всей серьёзностью, и парень напротив расправил плечи, нахмурившись.

– Расслабься, это просто была шутка.

– Абсолютно неуместная.

Марк впал в ступор. Что на него нашло?

– Умница, Карла! – послышался крик тренера, и парни одновременно стали вглядываться в поле.

Ведомая чистой интуицией, чувствуя, как ярость от слов логоса наступает на пятки, Карла, нарушая все возможные стратегии игры, бежала в противоположную от шара сторону, и уже через минуту он, двигаясь по неведомой траектории, летел прямо ей в руки. Девушка мгновенно загнала его во врата синтеза, принося тем самым последние десять очков на сегодня.

Все уставились на девушку в непонимании, но это продлилось пару секунд, так как сразу после остальные игроки кинулись к ней с похвальными словами.

Марк оставался на месте, совершенно поражённый. Феликс тем временем сделал пометку в планшете.

Парня переполнило раздражение. Его расчёты дали сбой. Снова. Немыслимо... Это... это просто... Чёрт. Он кусал все губы в оставшиеся 10 минут, думая о том, где допустил

ошибку, пока игроки расспрашивали студентку, как ей удалось. Он не слышал, что она им говорила, или не хотел слышать. Но когда она проходила мимо и намеревалась просто обойти, он, подвергшись непонятному порыву, грубо схватил её за предплечье, останавливая.

– Ай, что ты делаешь? Пусти!

– Твоя удачливость – всего лишь дефект. И рано или поздно она тебя подведёт, – выпалил он, всё ещё раздражённый её дерзким успехом.

– Ты так злишься, потому что твои циферки подвели тебя? – парировала она, запрокинув голову. Её карие глаза, обычно полные насмешливого огня, сейчас были совсем тёмными и бездонными, как два вспыхнувших уголька. Уголок губ приподнялся, упрекая, загоняя в угол.

Взгляд Марка неожиданно зацепился за каплю пота, медленно сползающую по её шее. Она извивалась на влажной коже, как живая, и ему вдруг показалось, что он чувствует жар, исходящий от её тела. Воздух вокруг неё колыхался от частого, сбитого дыхания, и ему неожиданно самому стало не хватать кислорода. Он провёл языком по сухим губам, словно пробуя на вкус эту её дику, животную усталость.

Солёно.

Остро.

Она вырвала руку и ушла, оставив его одного. Его собственное сердце вдруг ударило вразнобой с её отступающими шагами, и он резко отвернулся, сжав зубы. Слишком громко. Слишком заметно. Слишком раздражающе.

Этим вечером сон не приходил. Совсем. Тишина в комнате была гнетущей, нарушалась лишь равномерным гулом серверов за стеной, который обычно убаюкивал, а сегодня звучал как назойливый, монотонный призыв к действию. Перед глазами всё также стояла статистика за прошлый год, идеальные данные, как после сброса настроек. После недолгих размышлений за письменным столом, Марк убрал планшет в сторону и включил ноутбук. Пальцы сами потянулись к клавишам, жаждущим ввода, действия, решения задачи. Через пару минут парень уже находился на главном сайте школы и стал копать глубже. Та статистика, которую он заметил на пробах, зацепила его.

«Наши ученики». Не то...

«Наши мероприятия». Нет.

«Наши программы обучения». Всё не то.

Каждый клик мыши отдавался в тишине комнаты слишком громко. Разочарование накапливалось, как статическое электричество. Ну давай, ищи, *должно* быть что-то... Облазив весь сайт, но так и не найдя ничего, что могло бы привлечь внимание, брүнэт поразмыслил.

А что если... Это просто скрыли?

Его пальцы замерли над клавиатурой на секунду, а затем заработали с новой, хищной скоростью. Пара приёмов, которым их научили на информатике – быстрый доступ к консоли разработчика, запуск скрипта для обхода поверхностного интерфейса – и сайт стал чёрным, а все адреса красными. И называться они стали уже по-другому.

«Графики успеваемости», «Личные дела», «Протоколы коррекции», «Медицинские отчёты».

Сердце Марка учащенно забилося – не от страха, а от азарта охотника, нашедшего свежий след. Пробежав глазами по каждой строчке, он решил открыть последнюю. Перед ним открылся огромный список учеников. Внимательно изучив данные таблицы, Блэквуд пришёл к выводу, что у тех самых «исправленных» учеников были одинаковые периоды наблюдения. Время и дата абсолютно идентична каждой. Это не походило на простую случайность. Это был паттерн. Чёткий, выверенный, как диаграмма идеального преступления.

– Это выглядит как система... Целенаправленная. Но для чего? – он прошептал это в тишину комнаты, и слова повисли в воздухе, холодные и тяжёлые.

Через пару минут сайт начал зависать, выдавать помехи, строчки кода на экране поплыли, словно их размывало невидимой волной, точно кто-то извне нарочно пытался запретить просмотр данных «чужаку», а после сайт резко стал обычным, каким был до взлома. Марк попытался снова. И снова. Тщетно. Он откинулся на спинку стула, чувствуя, как ярость и восхищение перед совершенной системой защиты боролись в нём.

И самый первый вопрос в голове: «Как это можно объяснить?»

Но ответа не приходило. Это была ещё одна аномалия, и она изводила его, как сложная головоломка, к которой нельзя подступиться сразу. И он вдруг вспомнил первую. Которая бесчисленное множество раз ошибалась сегодня на поле, а потом ещё и ткнула носом его в то, что его расчёты давали сбой.

Он и без неё это знал. А она тем, что напоминала, только... Изводила ещё сильнее. Она была живым воплощением хаоса, непредсказуемой переменной, которая врывается в его идеальные уравнения и перечёркивала их одним лишь взглядом. Как назойливая муха, которая жужжала всё громче и громче с тем, как часто ты пытаешься отмахнуться от неё. И Лайтвуд вела себя также. Как будто нарочно его злила. Нравилось? Тешилась? Или что-то ещё? Его ум, привыкший всё систематизировать, не мог найти для неё категории. Она не вписывалась ни в одну. При любом предположении истинная причина её поведения продолжала оставаться одной из головоломок. Которые он ненавидел оставлять нерешёнными.

Где-то в другом крыле «Пангеи» ночь была такой же беспокойной. Карла Лайтвуд смотрела пустым взглядом в потолок, обременённая целой тучей различных мыслей, которые буквально разъедали её мозг. Одеядло казалось слишком тяжёлым, а воздух в комнате – спёртым и густым от невысказанных тревог.

Во-первых, ссора с Оливией. Она совсем потерялась и не понимала, как ей себя вести. С одной стороны, её поглощало отвратительное чувство вины перед подругой, но с другой... Ей оказалось до безумия приятно ощущение, когда тебя считают особенной. Когда кто-то говорит, что ты уникальна в том, чего нет у других. И это сразу хочется развить. А если бы она тоже изначально пришла на пробы? И прошла бы? Если бы это было и её мечтой тоже, Лив стала бы обижаться? Если да, то встанет вопрос – настоящей ли вообще была их дружба всё это время.

Во-вторых, из головы не выходил Алекс. Она успела поговорить с несколькими людьми, которые ранее состояли в одной компании с ним (ведь теперь он ходил один и молча), и каждый поголовно ответил, что парень стал пустым. С ним стало не о чем говорить, а половину происходящего он вообще не помнил. Это всё казалось таким... диким. Какая травма могла так изменить человека? Что успело произойти такого ужасного всего за одно лето?

Тревога сжимала ей горло тугим узлом. В комнате стало слишком жарко. Карла убрала волосы от лица и закрепила невидимками по обе стороны от лица. Она, чувствуя, как голова разрывается от навязчивых мыслей, решила выйти за пределы их крыла и прогуляться по прохладным, безлюдным, освещённым лишь тусклыми ночниками коридорам школы. Конечно, это никто не поощрял, это вообще было запрещено (разгуливать по ночам), но и она не собиралась попадаться.

Спустя тридцать минут бесцельных блужданий, она убедилась в том, что прогулка не помогает. Совсем. Она всё также думала обо всём сразу, только теперь ко всему этому прибавилась лёгкая усталость от ходьбы. Её ноги чувствовали холод каменных плит сквозь кеды. И в голове резко всплыл момент... Станный шум в библиотеке. Тогда она не смогла понять, откуда он шёл, но, может, сейчас... Это было хоть какое-то направление, хоть какая-то цель в этом бесконечном водовороте мыслей.

Поразмыслив буквально пару секунд, студентка развернулась и, прижимаясь к теням вдоль стен, направилась в сторону библиотеки. Сердце забилось чаще от подступающего адре-

налина, когда она вдруг поняла, что собирается нарушить разом не один и даже не два правила. Что ж, пусть это станет предметом её рассуждений в следующую ночь, а пока...

Дверь в библиотеку была массивной и казалась немой стражем, хранящим чужие секреты. Медленное движение руки, и дверь не поддается. Закрыта. Ну, конечно. Она недовольна вздохнула и уже хотела уйти, но рука вдруг сама потянулась к волосам и вытянула невидимку. Ловкость, которой она сама удивилась, – несколько секунд возни с замком, тонкий металл скрёбся по механизму, – и раздался долгожданный щелчок, громкий, как выстрел, в тишине пустого коридора. Чуть ли не вскрикнув от восторга, девушка зажала себе рот ладошкой и осторожно приоткрыла дверь. Шагнула за порог. Также тихо прикрыла.

Оказавшись внутри, она первым делом осмотрелась и прислушалась. Её обняла абсолютно гробовая тишина и запах старой бумаги, пыли и воска. Точно ли никого нет? Хотя, с другой стороны, каким нужно быть ненормальным, чтобы прийти в библиотеку в час ночи? Видимо, нужно просто быть Карлой Лайтвуд.

Глаза медленно привыкали к мраку, выхватывая из темноты очертания гигантских стеллажей, уходящих ввысь, как деревья в забытом лесу. Она шагнула вперёд, и по помещению пронёсся скрипучий звук старого деревянного пола. Девушка тут же замерла, вжавшись в плечи и стиснув зубы. Лишь бы этого никто не услышал... Ступая дальше уже осторожнее, она подошла к столу, за которым сидела в тот день. Сейчас была мрачная тишина, даже немного пугающая. Она осмотрела помещение, а затем ступила на ковёр, прямо как в тот день. И опять то самое кричащее, щемящее чувство под ложечкой, словно что-то было под носом, что она беспечно упускает. Хотелось просто топнуть ногой и...

Или не под носом, а под ногами? Карла опустила взгляд, всматриваясь в узоры пыльного ковра и замечая то, как странно он выпирает примерно посередине, показывая точную геометрическую фигуру, похожую на квадрат. Сердце пропустило удар. Вот чёрт, если это то, о чём она...

– Лайтвуд? – тихий, но абсолютно чёткий, узнаваемый голос прозвучал за её спиной, отозвавшись эхом в безмолвном зале.

Кровь ударила в виски, а в глазах потемнело. Тысячи вариантов того, как сбежать и как оправдаться, пронесли в её голове. Она мысленно себя похоронила и резко развернулась. Не могла поверить в то, что выдохнула с облегчением, смешанным с ужасом, когда увидела перед собой Блэквуда.

Стоп.

Что *он* вообще здесь делает?

– Что ты здесь делаешь? – он тут же озвучил её вопрос. И, кажется, впервые за последние дни смотрел на неё не с ненавистью, а немой шок и холодным подозрением.

Что ж, видимо, чтобы приходиться по собственному желанию в библиотеку в три часа ночи, можно быть не только Карлой, но ещё и Марком.

– А, я понял, – ну вот, знакомое презрение во взгляде. Как же быстро он сменил эмоции на лице. – Ищешь острых ощущений в запретное время?

Брюнетка парировала мгновенно:

– А сам то, Блэквуд? Проверяешь, нет ли в стенах отклонений в пару миллиметров?

Его глаза сощурились, и он готов уже выплюнуть свой ответ, как вдруг входная дверь библиотеки скрипнула, и они тут же бросились в противоположную друг от друга сторону, прячась в тени книжных стеллажей. Карла прижалась к холодным корешкам книг, пытаясь замедлить бешеный стук сердца, который, казалось, было слышно на весь зал. Тусклый свет фонаря вдруг прошёлся по помещению, освещая полосу пыли прямо перед её носом, и затаили дыхание оба. Мужчина посвятил вглубь библиотеки издали, прислушиваясь, но очень скоро, не найдя ничего подозрительного, вышел, и слышны были только его удаляющиеся шаги. Они выжидали ещё несколько мгновений в полной тишине.

Убедившись в отсутствии посторонних, Марк первым вышел из укрытия. Напротив через секунду появилась и девушка. Они молчали какое-то время, оценивая всматриваясь друг в друга, пытаясь разглядеть в глазах оппонента страх, вину или знание, пока вдруг брюнетка не выпалила:

– Удивлена, что ты просто спрятался, а не рассчитал план для побега.

И его голос показался ей слишком тихим и напряжённым, словно он с трудом сдерживал раздражение:

– Я рассчитываю риски. И с тобой они слишком высокие. Лучше бы ты убиралась, – она, возмущённая, сделала шаг вперёд.

– Может, это ты тут лишняя? И твои циферки и графики ничего не значат, раз ты шныряешь по ночам в библиотеке?

Опять она за своё. Эта тема заставляла закипать кровь мгновенно. Парень слишком резко сократил между ними дистанцию, и Карла только сейчас в полной мере ощутила их разницу в росте. Ему не нужно было нависать – он просто встал прямо, и ей уже пришлось задрать голову, чтобы продолжать смотреть ему в глаза. Это было унижительно. Вызов заставил её выпрямиться во весь рост.

– Не заставляй меня вычислять, во сколько оценивается твоя безопасность, потому что ответ тебе не понравится, – его слова обожгли своим холодом, а дыхание почти ощущалось на её лице.

– О да, как же, – она сжала кулаки, чувствуя, как горело лицо от возмущения. – Интересно, почему.

– Где-то здесь спрятана дверь, которая ведёт в отделение медицинской кибернетики, – его голос вдруг был лишён привычной едкости, просто констатируя факт. – И её нет на официальных планах, – воздух словно выбили из лёгких. Лайтвуд замерла. Это... подтверждение её худших подозрений вышибло из неё всю спесь.

– Медицинской?

– Да. Твою... чутьё тебя не подвело, если привело сюда, – он произнёс это почти нехотя, сквозь зубы, как будто признаваясь в собственной слабости.

В её голове что-то щёлкнуло. Блэквуд. Холодный, расчётливый, бесчувственный Марк Блэквуд только что признал правоту её «чуйки». Мир перевернулся с ног на голову. Она нахмурилась, обескураженная, и хотела задать вопрос, но он резко повернулся и пошёл к выходу. Его тень скользнула по стеллажам и растворилась в темноте, оставляя её одну с этим комом новой информации. Она ещё несколько секунд стояла неподвижно, прислушиваясь к стуку собственного сердца, громко отдающемуся в тишине, и чувствуя, как земля уходит из-под ног. Его слова были страшнее любого факта быть пойманной. Он не угрожал. Он констатировал. И от этого было в тысячу раз хуже.

Карла вдруг вернула свой взгляд к выпирающей части на ковре, к этому немому свидетельству чего-то скрытого. Она медленно подошла, опустила на колени и провела ладонью по неестественно ровному выступу, ощущая под тканью что-то твёрдое и холодное. Лёгкая, едва уловимая вибрация, исходящая оттуда, заставила её отдёрнуть руку, как от ожога. Сердце застучало в висках. Она больше не сомневалась. *Что-то творилось прямо у них под носом.* Резко поднявшись, она почти бегом кинулась к выходу, не оглядываясь. Ей нужно бежать. Не от охранника. От этого знания. От этой двери. От того, что самый ненавистный человек в её жизни вдруг оказался единственным, кто видел ту же страшную правду, что и она.

Глава 3. Под сенью ветхих переплётов.

Подняться сегодня оказалось сложнее, чем в любой другой прошедший день недели. Тело было тяжёлым и ватным, веки налились свинцом, а в висках пульсировала зарождающаяся головная боль. Мало того, что Карла спала очень мало, так ещё и уснула далеко не сразу, то и дело просыпаясь ночью раза три. Каждый раз её вырывал из неглубокого забытья один и тот же образ: холодные серые глаза в полумраке библиотеки и тихий голос, произносящий слова, которые не должны были из них прозвучать никогда.

Солнце, ярко бьющее в окно, словно насмехалось. Первой мыслью после пробуждения стала прошедшая ночь. Только вот больше её волновала не та дверь под ковром в библиотеке, а лицо Блэквуда в полумраке и его слова: «Твоё... чутьё тебя не подвело». Интересно, он правда это сказал или всё это был какой-то насмешливый сон и игра воображения? Она с силой потёрла ладонями глаза, пытаясь стереть навязчивое воспоминание, но оно лишь стало чётче. Внутри разрасталась тревога, медленная, ползучая, как ядовитая лиана, сжимающая грудь.

Если *он* это признал, значит, её худшие подозрения оказались правдой. В Пангее происходит что-то странное. И самое ужасное, что единственный человек, который это подтвердил, – тот, кого она меньше всего на свете хотела бы видеть своим союзником.

Всё утро за завтраком девушка пыталась поймать взгляд Оливии, но та продолжала демонстративно игнорировать её. Уже привычное чувство вины за ситуацию с командой и боль от разрыва с подругой смешались с новым всепоглощающим ощущением страха. Они словно соревновались внутри неё, и проигрывало в этой борьбе всё – аппетит, настроение, чувство безопасности.

Голод притупился. Карла, поддерживая голову кулаком левой руки и чувствуя, как натянулись и одеревенели мышцы шеи, бесцельно перебирала еду ложкой в тарелке. Каша казалась безвкусным жидким картоном, а чай – горькой жижей. Она подняла взгляд и наткнулась на такого же задумчивого студента логоса. Марк сидел прямо, но его поза была не такой идеальной, как обычно; он смотрел отсутствующим, затуманенным взглядом в чашку и выглядел так, словно о чём-то напряжённо размышлял. Он не строил схемы в планшете, не вёл расчёты. Просто смотрел в одну точку, и это было непривычно, а потому – пугающе.

«Он знает. Знает, что я что-то знаю. И знает то, чего не знаю я.»

Мысль пронеслась в голове, и она вдруг сравнила их со шпионами, которые, кажется, задаются одним вопросом. И теперь он висел между ними через весь шумный зал.

«Что теперь делать?»

Она не знала ответа. Знание обрушилось на неё слишком внезапно, и теперь она сидела посреди привычного мира, который вдруг раскололся на «до» и «после», и чувствовала себя абсолютно потерянной и одинокой. Единственная ниточка, тянущаяся через эту пропасть, вела к человеку, которого она и минуты вынести не могла. И это было хуже всего.

После занятий Карла, погружённая в свои мысли, шла по коридору в сторону Общего зала на обед. Её взгляд был прикован к полу, а в ушах стоял навязчивый гул тревоги, заглушавший все остальные звуки. Она почти не смотрела по сторонам, и потому резкий удар плечом о чьё-то неподвижное тело оказался неожиданным и болезненным.

– Чёрт! – вырвалось тихое шипение. У человека напротив упали папки с какими-то бумагами, почти бесшумно и плавно распластавшись по отполированному до блеска полу. Девушка моментально опустилась на корточки, помогая собрать листы, как вдруг услышала знакомый голос:

– Не беспокойся, я сам, – Лайтвуд подняла взгляд и узнала Алекса. Он не смотрел на неё, его движения были точными, механическими, словно отрепетированными, когда он собирал в кучу всё, что выпало из рук. Её глаза вдруг зацепились за один листок, отличающийся от

остальных. Он был чуть плотнее. В правом верхнем углу был напечатан штрих-код, а чуть ниже – жирная подпись: **«Корпус Б. Уровень -2. Сектор 7.»**

Сразу после парень ровным, безразличным движением положил его под остальную кучу бумаги, кивая ей стеклянным взглядом, бросая короткое «спасибо», и ушёл, не оглядываясь. Его шаги были мерные и одинаковые. Девушка медленно поднялась на ноги, чувствуя, как подкашиваются колени, наблюдая за тем, как парень повернул за угол, и замерла.

Корпус Б? За 10 лет учёбы и жизни здесь она ни разу о таком не слышала. Уровень -2... Это абсолютно точно был подвал. Глубокий, скрытый, подземный уровень, о котором обычным студентам знать положено. Что-то внутри кричало настойчиво и тревожно, что путь туда проложен через ту самую «дверь» в полу под ковром в библиотеке. Это была не догадка. Это было знание, пришедшее из самых инстинктивных глубин её существа.

Но если это правда... Если всё это – не паранойя, не большое воображение... Если под ногами у них всех прямо сейчас, в двух этажах под землёй происходит что-то, требующее штрих-кодов и секторов...

Чёрт, она не справится с этим в одиночку.

На часах было **6:40**, когда Марк сидел за письменным столом в своей комнате и напряжённо вглядывался в монитор ноутбука. Синий свет экрана отбрасывал резкие тени на его сосредоточенное лицо. Он больше не пытался взломать сайт школы снова, но проанализировал его вдоль и поперёк, что теперь с закрытыми глазами мог показать, как найти тот или иной раздел. Но без взлома там смотреть было не на что. Это было похоже на изучение идеально ровной, но абсолютно глухой стены.

Так что он, устало выдохнув, зарылся пальцами во вьющиеся волосы и начал вспоминать прошедшую ночь. Пока что для анализа у него была только она. Поэтому парень начал по порядку, выстраивая в голове чёткий список, как он всегда это делал.

Факт первый: Лайтвуд зачем-то пришла в библиотеку ночью, вскрывая замок входной двери (это было очевидно, ведь на ночь все помещения запирают). Вывод: целеустремлённость и пренебрежение правилами, мотивированные сильным внутренним импульсом.

Факт второй: Она стояла не у стеллажей, а посреди прохода. То есть, пришла не просто книжку почитать. Стояла и пялилась в ковёр. Интересовалась конкретным местом. Вывод: у неё есть определённая цель или теория.

Факт третий: Как бы не хотелось это признавать, но она обладает аномально высокой интуицией, что подтверждается не одним случаем. Марк их видел сам. Значит, её «иррациональность» сейчас – не помеха. Это инструмент, который не может давать сто процентных гарантий, подвергает опасности, но имеет... потенциальную пользу. Она видит и чувствует то, чего может не заметить он. Всё-таки в библиотеке та оказалась раньше него. Но остаётся вопрос: как использовать её «способность», минимизировав риски?

Вывод: она – ненадёжный, но потенциально ценный источник уникальных данных.

Он потёр ладонями лицо, чувствуя нарастающую усталость и лёгкое раздражение от необходимости учитывать такой нелогичный фактор, как «чуйка» Лайтвуд, и, подняв с пола кожаную сумку, отправился на завтрак.

– Мистер Блэквуд, – сухой женский голос окликнул студента. Перед ним стояла невысокая, худая старушка миссис Элдридж, которая вела у них логистику. Её глаза, увеличенные толстыми линзами очков, смотрели на него без всякого выражения. – Задержитесь, пожалуйста.

Коротко кивнув, он начал быстрее собирать вещи и, договорившись с Феликсом встретиться уже на обеде, подошёл к старушке.

– Ваш проект по оптимизации расписания, – начала она, изучая бумаги в своей папке. – Он... любопытен. Но в нём не учтён человеческий фактор. Ученики – не шестерёнки, мистер Блэквуд. Они устают. Их эффективность падает к концу дня. Ваша схема требует доработки с учётом биоритмов.

Марк стоял, слегка скрестив руки на груди, и слушал, едва сдерживая нетерпение. Его мозг уже проанализировал её слова и выдал ответ: «Биоритмы – лженаука. Эффективность падает из-за неправильного распределения нагрузки и недостаточной мотивации». Но спорить с миссис Элдридж было бессмысленно.

– Я учту это, – сухо ответил он, но его взгляд уже блуждал по коридору.

– Отлично. На этом всё, – щёлкнув папкой, она отвернулась, давая понять, что разговор окончен.

Он шёл по пустому коридору, анализируя текущий разговор и с лёгким презрением отбрасывая её замечание о «биоритмах», как вдруг кто-то схватил его за предплечье, резко останавливая. Тело мгновенно напряглось, мышцы спины и плеч сжались в единый тугий узел, словно реагируя на потенциальную опасность, но перед ним остановилась всего лишь Карла Лайтвуд. Брови в удивлении взметнулись вверх. Интересно, *что* заставило её подойти самой, да ещё и в общественном месте. Она, кажется, ещё и собиралась с ним заговорить. Её пальцы на его руке были удивительно горячими, почти обжигающими через ткань рубашки.

Кажется, она уже пожалела о своём решении, потому что на его лице с застывшей лёгкой ухмылкой было написано всё. Девушка резко отёрнула руку. Сделав глубокий вдох, она вдруг опустила взгляд и еле слышно спросила:

– Корпус Б. Ты знаешь, где это может быть? – неожиданное начало ввело его в ступор. Марк отвёл взгляд, мысленно перебирая знакомые ему архивы в памяти.

– Не уверен точно, но могу предположить, что это не находится на основных этажах, – ответил он, тщательно подбирая слова, чтобы не выдать свой интерес. Девушка медленно кивнула, и с её глаз спала какая-то странная пелена. Как будто она боялась задавать этот вопрос. Она его проверяла?

– Это -2 уровень.

А вот сейчас стало интересно. Корпус Б, -2 уровень... Эта брюнетка явно что-то знала. И он в очередной раз остался поражён, а мозг мгновенно сопоставил информацию: «Корпус Б» – старое и заброшенное крыло, которое не отмечено ни на одной студенческой карте. Но он читал как-то о нём в учебнике по истории Пангеи. «Уровень -2». Что ж, вероятно, подвал. Хорошо подходит для тех, кто что-то скрывает.

– Это подвал, – констатировал он, внимательно следя за её реакцией. Она кивнула, и в глазах загорелся не просто огонёк, а целая искра предвкушения. Ему был знаком этот азарт.

– Откуда ты про это узнала?

– Случайно, – ну да. На другой ответ он и не рассчитывал. Она отвела взгляд, и парень отметил то, как напряглась её челюсть. – Мне кажется, что тогда в библиотеке, – она подбирала слова осторожно, словно ступала по хрупкой дорожке и в любой момент могла сорваться вниз. Предложение она не закончила, но её взгляд был красноречивее любых слов.

– Да. Не верю, что говорю это, – парень покачал головой и удивился этой лёгкой театральности, совсем не похожей на него. Карла закатила глаза. – Но я полностью согласен. Есть основания полагать, что наше... взаимовыгодное, хоть и временное, сотрудничество... может привести к получению недостающих данных.

Студентка закусила нижнюю губу, оставляя на ней белый след от зубов, и между ними вдруг повисло напряжённое молчание, наполненное гулким эхом их невысказанных мыслей.

– Узнай всё, что можешь. Я... тоже, – выдохнула она, и в её голосе прозвучала не просьба, а констатация факта. Они стали сообщниками.

Марк утвердительно кивнул и, кинув последний оценивающий взгляд, обошёл её, продолжая путь в противоположную от неё сторону.

Вряд ли им стоило показываться вместе.

Следующая неделя превратилась в одно сплошное, навязчивое расследование. Каждая свободная минута была посвящена поиску зацепок о Корпусе Б. Их странный, молчаливый альянс работал, как два разных механизма, движимых одной целью, но абсолютно разными методами.

Марк всё своё свободное время проводил в пыльных архивах библиотеки, отгороженный от мира стопками подшивок и старых фолиантов. Он изучал пожелтевшие чертежи школы разных лет, сравнивая линии коммуникаций, ища несостыковки, замаскированные люки и «слепые зоны» на планах. Он прикрывался перед любопытствующими преподавателями тем, что работает над масштабным проектом по энергоэффективности Пангеи. Его стол был завален распечатками, а на планшете были открыты десятки вкладок с архитектурными базами данных. Он искал логику, схему, алгоритм. Но чем глубже он копал, тем больше понимал, что Корпус Б – это не просто заброшенное крыло. Это была идеально вычеркнутая из официальной истории школы страница. На всех публичных планах на его месте был обозначен фундамент или техническое помещение. Это была не ошибка, а тщательная цензура.

Карла, в свою очередь, действовала иначе. Её оружием были не чертежи, а люди. Она максимально осторожно, будто невзначай, вплетала вопросы в разговоры с однокурсниками.

– Слушайте, а вы никогда не слышали о каком-то Корпусе Б? – спрашивала она за обедом, разглядывая яблоко. – Мне приснился странный сон, будто я там заблудилась...

Ответы были одинаковыми: пожимание плечами, недоумённые взгляды. «Корпус Б? Нет, не слышали». «Кажется, это просто старая байка». «Ты много странного читаешь перед сном, Карла».

Её охватывало чувство глухой стены и лёгкой паранойи. Она ловила на себе взгляды и задавалась вопросом: им правда ничего неизвестно, или они боятся говорить? Её «чуйка» улавливала лёгкий, почти невидимый страх, скрывающийся за некоторыми масками безразличия. Она чувствовала, что близка, но никак не могла докопаться до правды.

К концу недели их ждало лишь разочарование. Официальные пути оказались тупиковыми. Марк не нашёл ни одной схемы. Карла не услышала ни одного намёка.

Они стояли в том же самом глухом коридоре у библиотеки после очередной бесплодной попытки. Воздух между ними был густым от невысказанного разочарования.

– Получается, официально его не существует, – подвёл итог Марк, его голос звучал устало, но собранно. – Это сужает круг поиска.

– И что это значит? – спросила Карла, чувствуя, как надежда начинает угасать.

– Это значит, что вход там, где его не должно быть. В слепой зоне. Там, куда не водят на экскурсии. Не включают в планы эвакуации, – он посмотрел на дверь библиотеки.

Карла медленно кивнула. Страх снова сжал её горло, но теперь к нему примешивалась решимость. Они исчерпали все легальные и безопасные пути. Теперь впереди было только одно – проверить их единственную гипотезу.

– Значит, пора посмотреть, что под ковром, – тихо сказала она, и её голос прозвучал твёрже, чем она себя чувствовала.

Марк лишь кивнул. Их молчаливый сговор был заключён. Фаза сбора данных завершилась. Начиналась фаза действия.

Глава 4. Протокол «Коррекция».

– Не шуми, не отставай, не действуй «вслепую» и без моего согласия ничего не...

– Не трогать! Я поняла, – Карла закатила глаза, чувствуя, как грудь саднило от нарастающего напряжения. Его губы двигались с идеальной, механической точностью, выводя очередной алгоритм её возможных ошибок. За десять минут встречи логос успел придумать целую кучу правил, лишь бы действовать осторожно.

Лишь бы их не поймали.

– Не понимаю твоей раздражённости. Мы оба остановились на том, что за логику сегодня отвечаю я.

– Ну да, по-другому ведь твой *логичный* мозг не может, – ухмыльнулась она и ускорила шаг. Парень решил намеренно проигнорировать, и лишь лёгкое напряжённое движение в скуле могло выдать его раздражение.

Они передвигались быстро, но осторожно по погружённым в ночной полумрак коридорам школы, держа путь к библиотеке. Целая неделя расследований оказалась пустышкой, потому что они не смогли найти ничего стоящего. Продвижения никакого не было и нужно было действовать.

Сказать, что Блэквуду не понравилась эта идея – это ничего не сказать, но девушка убедила его, применяя его же тактику. С холодной головой объяснила все факторы риска и то, как их минимизировать. Но избежать их не получилось бы без главного условия: идти они должны вдвоём. Его логика и её интуиция прокладывали единственный возможный маршрут, где их бы не поймали охранники. И когда за поворотом показалась массивная деревянная дверь библиотеки, по спине брюнетки поползли мурашки, оставляя на коже послевкусие липкого страха.

Пути назад нет.

– Весьма интересно, как ты открыла дверь в прошлый раз, – скушаяще прошептал Марк, и девушка только лишь вопросительно выгнула бровь.

Опустившись на колени, она полезла рукой в задний карман узких джинсов. Вытащив оттуда невидимку, она, тщательно вспоминая все действия, которые делала в прошлый раз, сунула её в замочную скважину. Ладони вспотели от осознания, что в шаге от неё нависал Блэквуд. Его тень полностью накрыла её, а его молчаливое присутствие стало почти осязаемым, давящим. Он наверняка ожидал момента, когда у неё что-то пойдёт не так и он сможет упрекнуть её. А, значит, шанса на ошибку не было.

Покрутив аксессуаром в разные стороны, она прочувствовала замок и, закрыв глаза для большей концентрации, повернула ручку. Та поддалась. Медленно поднявшись с колен, она блеснула лукавым взглядом в сторону Марка. Он не ответил такой же ухмылкой, лишь оценивающе скользнул взглядом от её рук к лицу, и в его глазах на секунду мелькнуло нечто, похожее на холодное одобрение. Отворив дверь библиотеки, он придержал её, чтобы та смогла войти, и проводил взглядом прямую спину, скрытую под тонким слоем чёрной водолазки.

Прежде чем зайти следом и закрыть дверь, он осмотрел коридор снаружи, проверяя, нет ли в округе охранников. Убедившись в том, что они одни, зашёл внутрь.

– На такое твой расчётливый мозг наверняка не способен, не так ли? – девушке было искренне весело. Она шла впереди него, направляя, и улыбалась краешками губ, зная, что он не видел этой эмоции.

Но мог её почувствовать.

– Также, как и твой не способен на действительно острые фразы, – еле слышно ответил он, а она резко повернулась к парню лицом. – Что?

Её зрачки бегали по его лицу, словно выискивая что-то, но в итоге девушка отвернулась и пошла дальше, так и не ответив. Он лишь слегка покачал головой.

Они шли недолго, ступая по старому полу максимально осторожно. Каждый их шаг отдавался гулким эхом в звенящей тишине, и вот наконец тот самый ковёр. Марк подошёл к самому его краю и присел на корточки. Поразмышляв, он коснулся кончиками пальцев его ворса.

– Хватит играть с ним в прелюдии, подними его, – в нетерпении шепнула Лайтвуд. Брюнет посмотрел на неё через плечо с немым укором, а затем кивком головы указал на её карман, в котором лежал телефон.

– Посвети.

Девушка достала гаджет, и уже через секунду свет от его фонаря озарил комнату, вырывая из мрака пыльные стеллажи и создавая длинные, пляшущие тени. Не медля больше, Марк откинул ковёр в сторону, складывая пополам, и их взору открылось дверное отверстие.

Чутьё не подвело... Это действительно было оно.

Оба уставились на дверь в изумлении. Так, словно были уверены в своей догадке, но когда та подтвердилась... Всё равно пребывали в неверии. Сердца заколотились в унисон, но от разных эмоций: у неё – от торжества и страха, у него – от холодного удовлетворения и трезвой оценки рисков.

– Открывай... – продолжая смотреть на неё, произнесла Карла, и парень потянулся к ручке, дёргая её вверх и поднимаясь с колен.

Студентка тут же посвятила вниз. Проход был узким и тёмным. Только Богу было известно, сколько нужно было спускаться... Да и сама лестница доверия не внушала, словно ей никто не пользовался очень давно. Но не успев развить эту мысль, Карла шагнула вперёд. К дыре. Путь ей преградила мужская рука. Она в непонимании повернулась к парню. В его глазах не было привычного высокомерия, была лишь твёрдая, стальная решимость, которая заставила её замереть на месте. В голове пронеслись возможные причины его поступка.

– Я пойду первым.

Ну, конечно. Это его любимое. Ему наверняка нужно всё контролировать: маршрут, правила, а теперь ещё и очередь спуска. Не дай Бог что-то пойдёт не по его сценарию.

– Ой, вот только не нужно геройствовать, – она попыталась убрать его руку, но тогда путь он преградил уже всем телом.

– Не забывай о правилах, Лайтвуд, – мужской голос был полон твёрдости. Она сжала зубы, и они слегка скрипнули, когда потёрлись друг о друга.

Ей вдруг стало интересно, он делает это из-за своей упёртости или ввиду другого фактора? Ну, например... Решил, что лестница может быть старой и просто обвалиться, как только на неё наступят. И сознательно берёт удар на себя. Хотя... Нет, однозначно, это был первый вариант. Мысль о его благородстве была слишком чужеродной.

Он развернулся и, присев на корточки, начал спускаться в чёрную бездну. Лестница скрипела под его весом, но держала. Сделав несколько шагов вниз, он остановился, чтобы оценить обстановку, и инстинктивно поднял голову, чтобы убедиться, что Карла следует за ним.

Именно в этот момент она начала спускаться. Свет от её телефона, зажато в руке, выхватил из темноты чёткий, упругий изгиб её бёдер, обтянутых тканью джинсов, прямо перед его лицом.

Жар от неловкости ударил ему в голову, и он тут же заставил себя отвести взгляд в сторону, уставившись в бетонную стену шахты. Карла, ничего не подозревая, спускалась ниже. Ощущая его близость где-то под собой, она невольно старалась ставить ноги осторожнее.

– Там внизу что-то есть? – прошептала она, и её голос, слегка дрожащий, эхом разнёсся по узкому пространству.

– Не знаю, – его ответ прозвучал резче, чем он планировал. – Пока ничего не видно.

Они продолжили спуск в тишине, нарушаемой лишь скрипом старых ступеней. Воздух становился всё более спёртым и пах пылью и холодным камнем. Свет от телефона выхватывал

вал из мрака лишь несколько ступеней вперёд. Блэквуд шёл, сконцентрировавшись на каждом шаге.

Они спускались около пяти минут. Ступени под ногами были холодными и скользкими от сырости, а воздух становился всё гуще и тяжелее. Глаза успели привыкнуть ко мраку, так что, когда они оказались внизу, смогли разглядеть окружение. Перед ними предстал глухой и узкий, как шахта склепа, коридор, в конце которого виднелась дверь. Пахло едкой сыростью, плесенью и чем-то медицинским, словно из старого процедурного кабинета. Марк держал эмоции при себе, пока Карла сморщилась, закрывая нос ладонью.

– Ну и вонь! Кошмар...

Парень ничего не ответил, идя вперёд по коридору. Его шаги отбивались гулким эхом от каменных стен. Брюнетка плелась позади и освещала фонариком мокрые, покрытые инеем стены, сложенные из грубого неотёсанного камня. Становилось холоднее. Страх преследовал сзади, заставляя идти дальше и не оборачиваться.

Блэквуд остановился прямо перед дверью, медленно проводя пальцами по шероховатому, холодному металлу косяка, словно считывая информацию. Прислонившись к ней ухом, он пытался прислушаться. Но была только гробовая, давящая тишина. Неожиданный шёпот сзади заставил обернуться:

– Может, уже откроешь её?

– В отличие от тебя, я думаю о последствиях. Мы должны действовать осторожно.

– Можем ещё полчаса здесь простоять, чтобы нас точно поймали, – парень проигнорировал этот выпад, пробегая по Карле взглядом, словно о чём-то размышляя.

– Выключи фонарь.

Лайтвуд посмотрела на свой телефон и, решив не язвить, послушно выполнила указание напарника. Помещение погрузилось в абсолютную, слепящую темноту, где даже руку перед лицом нельзя было разглядеть. Тогда Марк осторожно дёрнул ручку двери на себя, и та поддавалась с тихим, скрипучим вздохом. Помещение, которое встретило их следом, было похоже уже не на катакомбы, а на самую настоящую научную лабораторию. Стерильные железные стены отливали синевой под скудным светом аварийных ламп под потолком, отражаясь в отполированном до блеска полу. Было всё также тихо, и эта тишина после каменных катакомб казалась ещё более зловещей. Тогда логос пошёл первым. Девушка ступала за ним тихо и осторожно, оглядываясь по сторонам. Заметив внушительную надпись на потолке, она постучала ладонью по спине парня. Он оглянулся и проследил за её взглядом, поднимая свой вверх.

«КОРПУС Б. СЕКТОР 7. ДОСТУП КЗ».

Они были на месте. Предвкушение смешалось с тревогой от непонимания, что их может тут ожидать. Студенты посмотрели друг на друга, и в глазах обоих читалось одно и то же: «Это оно».

Они пробирались дальше. Марк сверялся с чертежами, которые достал из кармана, а Карла до предела напрягла слух и зрение, чтобы заметить опасность сразу, если такая возникнет. Завернув за очередной угол, Карла услышала шаги вдалеке, пока Блэквуд остановился, уткнувшись в чертежи, и думал, куда идти дальше. Спустя несколько мгновений стало ясно, что кто-то направлялся напрямик к ним. Девушка выпалила:

– Сюда кто-то идёт! – нахмурившись, брюнет прислушался.

Шаги стали ещё громче, чётче, размереннее. Принадлежали как минимум двум людям. Парень, действуя из холодного разума, огляделся в поисках укрытия. С их стороны коридора в углублении стены стоял массивный, покрытый пылью металлический шкаф для документов, а между ним и стеной – узкая тёмная ниша.

Не раздумывая больше ни секунды, он схватил девушку за руку и толкнул туда, просачиваясь следом.

Пространство было настолько тесным, что они втиснулись в него, как патроны в обойму. Спина Карлы впиалась в холодную, шершавую стену, а всё переднее пространство занял Марк. Он прижал её своим телом, расставив руки по обе стороны от неё и вглядываясь в проход, откуда они сейчас убежали. Дышать стало нечем. Каждая клеточка в теле была напряжена до предела, когда помимо шагов стали слышны ещё и голоса.

Оба принадлежали мужчинам.

Студенты замерли, слыша только громкий от страха, запредельный стук собственных сердец и шаги охраны в сантиметрах от себя.

– Никогда не понимал, к чему здесь эта рухлядь?

Они остановились прямо напротив их укрытия.

– Согласен. Давно пора её выкинуть.

Подожли ближе. Чужие руки обхватили шкаф по бокам, и Карла инстинктивно, не думая, вжалась всем телом в грудь парня напротив, пряча лицо в складках его водолазки. Один из охранников попытался сдвинуть шкаф. Не получилось.

– Тяжёлая, дрянь!

– Ну всё, оставь, и так пора заканчивать.

Когда мужчины отступили от шкафа, продолжая разговор, Карла едва слышно выдохнула, неожиданно ощущая, какое тепло исходит от парня напротив. От бёдер, прижатых друг к другу в тесноте, до груди, в которую она уткнулась. Тёплое дыхание коснулось её виска, и она нахмурилась, пытаясь отвернуться.

Смотря в проход всё то время, что охранники были здесь, парень повернулся только тогда, когда шаги и мерзкий смех стали удаляться. Он оказался в сантиметре от лица девушки. Его губы чуть не коснулись её кожи. В воздухе витал сладковатый запах её шампуня и пыли.

Марк резко, почти грубо протиснулся назад, буквально отскакивая от девушки. Он не имел права замечать такие детали. Это бы стоило им поимки, если бы охранники замешкались. Она медленно вышла несколькими секундами позже, стыдливо смотря в пол. Щёки запылали. Вот уж чего-чего, а ей бы точно не хотелось, чтобы он видел её такой испуганной. Будет потом попрекать, говорить что-то по типу: «Куда же подевалась твоя смелость?» «Тебе напомнить, как ты струсила перед охранниками?».

К её счастью, он не сказал ни слова.

– Идём, – бросил Марк сиплым, почти чужим голосом и пошёл вперёд, избегая её взгляда. Не сказав ни слова, Карла послушно поплелась следом.

Блуждая ещё какое-то время по коридорам, они пришли к железной двери с прозрачными щелями сверху. Заглянув в них, парень убедился, что внутри никого нет и, медленно сжав ручку, толкнул дверь вперёд. Внутри оказалось пусто и тесно, как в камере. Единственный предмет – хирургически белый стол с горячей лампой на нём и какие-то бумаги на краю, скреплённые степлером. Пока парень осматривался, Карла подошла к столу и взяла документ в руки, читая гриф посередине: **«ПРОТОКОЛ КОРРЕКЦИИ»**.

Парень подошёл к ней сзади, чуть наклонившись вперёд, и Лайтвуд неожиданно захотелось сделать шаг в сторону. Ему было мало сцены у шкафа? Она раздражённо повела плечом, сбрасывая наваждение.

Оглушительный, пронзительный вой сирены заставил их отскочить друг от друга. Он разнёсся по всему помещению, и красный аварийный свет замигал, заливая комнату кровавым заревом. Где-то в глубинах коридора стали слышны крики и бегущие шаги.

– Что это? – Карла в панике забегала глазами по помещению, свет которого начал мигать, и сжала в руках найденный документ.

– Уходим, – подталкивая девушку в спину, логос хладнокровно повёл её на выход.

Они сорвались на бег, уходя тем же путём, которым пришли. Адреналин вновь кипел в крови, заглушая все остальные чувства. Голоса уже были совсем близко, когда оба обернулись.

Марк схватил девушку за руку, ускоряясь, и та, не успевая за его размашистым шагом, едва не спотыкалась, когда бежала следом.

Вот та самая дверь, через которую они вошли. Вот свет перестал мигать, но сирена не замолкала. Парень буквально толкнул Лайтвуд внутрь и забежал следом. Она помчалась к лестнице, пока он закрывал дверь, и оба, движимые чистым адреналином, стали подниматься вверх. Карла зубами обхватила документ, чувствуя, каким неприятным было прикосновение зубов к бумаге, но не обращала на это внимания. Марк поднимался следом, временами посматривая вниз, чтобы убедиться, что за ними нет погони.

Дыхание сбилось совсем, а жажда сделала горло сухим, когда Лайтвуд, собрав последние силы, опёрлась на руки и вылезла из подвала напрямик в библиотеку. Парень вышел следом, и они вместе закрыли дверь в проход, накрывая её старым ковром. Как будто ничего не было. Ещё несколько следующих минут они сидели на полу, опёршись о него руками, и пытались привести дыхание в норму. Адреналин, всё ещё бегущий по венам, понемногу отступал, оставляя после себя дрожь в коленях и тяжёлую усталость.

Карла положила перед ними их находку и начала листать. Внутри не оказалось ответа, только список дат и непонятных обозначений. Но для Марка это было лишь подтверждение его догадок: так называемая «коррекция» – это система.

– Эти данные... Это всё подтверждает мою теорию, – в его тоне не было привычного высокомерия. Он скорее произнёс это для себя, не веря в свои же слова.

– Я не сошла с ума. Это всё реально... – тихо, почти шёпотом ответила Карла, упёршись взглядом в даты в документе.

Их взгляды встретились. Впервые за всё время в них не было ни ненависти, ни вызова. Было лишь общее, оглушительное понимание.

– Я думаю... Мне нужно немного времени, чтобы изучить это, – произнёс Марк, поглядывая на документ рядом с ними. Девушка утвердительно кивнула и подвинула его ближе к парню, и этот жест был большим, чем доверие. Это было признание того, что теперь они в этом вместе.

Марк проводил девушку до её крыла, и шли они в густой, окутывающей тишине, всё ещё переваривая то, что пережили этой ночью. Он коротко кивнул ей в знак прощания и развернулся. Карла ушла к себе, всё ещё чувствуя, как колотится сердце. Как будто из-за угла сейчас выйдет тот, кто хотел погнаться за ними в подвале, и обязательно настигнет её.

Но больше её напугало осознание, что Блэквуд не оставил её там. Тащил за собой, не отпуская, хоть это и было рискованно.

Она быстро поняла, что размышлять о его мотивах бесполезно. У них было слишком разное мировоззрение, чтобы она попыталась его понять.

Следующим утром сразу после завтрака Марк оказался в кабинете Илоны Вейн. Просторное помещение, залитое холодным утренним светом, пробивавшимся сквозь высокие арочные окна, пахло старыми книгами, воском для мебели и едва уловимой озоновой свежестью, исходящей от работающих терминалов на столе. Вызвали логоса неожиданно, поймав перед завтраком и уверив в том, что прийти нужно обязательно. Потому что разговор предстоял серьёзный.

Так что Блэквуд, с привычным ему хладнокровием, сидел, выпрямив спину, напротив женщины с пепельными волосами и смотрел прямо в глаза в ожидании разговора. Спину ломило от натянутой позы, а подошвы туфель нервно постукивали по полированному паркету, хоть он и старался это контролировать. Она сидела за столом, сложив руки перед собой, и смотрела на Марка с глубоким анализом во взгляде, будто сканируя каждый мускул на его лице.

– Марк, я буду с тобой откровенна. наших преподавателей и меня стала напрягать твоя излишняя активность в сети и поздние прогулки.

Внутри всё сжалось, холодная волна прокатилась от желудка к горлу, но внешне парень оставался спокоен. Женщина напротив сузила взгляд, оценивая его реакцию. А значит, нужно было держать лицо.

– Не понимаю, о чём вы говорите, – она двинулась вперёд, облокотившись о край стола, и Марк почувствовал, как сузилось расстояние между ними.

– Объясни, зачем тебе чертежи школы? – откуда ей это известно?

– Для доклада.

– И какой же доклад требует так много материалов, взятых в библиотеке?

– Доклад по истории Пангеи.

– Надо же...

На смену тревоги пришла ярость от нарушения личного пространства. Горький привкус гнева подкатил к самому горлу. Десятки учеников проводили в библиотеки кучу времени, но допросить решили именно его.

– Я хочу сказать, что не стоит выходить за рамки учёбы, Марк.

Неожиданный порыв съязвить чуть не подвигнул Блэквуда на словесный выпад, но он сдержался, сжав губы в тонкую линию.

– Надеюсь, мы друг друга поняли, – закончила таким образом разговор директриса.

– Несомненно, – парень поднялся с места, ощущая, как затекли мышцы ног, и, закинув сумку на плечо, направился в сторону выхода. Женщина провожала его пристальным взглядом, тяжёлым и невесомым одновременно, точно прикосновение холодного металла к затылку.

Марк шёл на занятия, разъедаемый изнутри новыми предположениями. Всё оказалось немного сложнее, чем они с Карлой думали. Система гораздо могущественнее, чем есть на самом деле. Они следили. И подозревали... чёрт. Им нужно действовать осторожнее. И лучшим решением сейчас будет «залечь на дно», чтобы отвезти от них любые подозрения.

Карла обедала в одиночестве, затерявшись в шуме и гомоне огромной столовой. Анализируя прошедшую ночь, она вдруг задумалась о том, что делать дальше. Документ находился у Блэквуда, и она не понимала, стоит ли подходить и что-то спрашивать. Или он объявится сам? И сколько ждать? Он ведь не назвал определённое количество времени. Эта неопределённость давила, сжимая виски. Хотелось поскорее разузнать, что всё это может значить, и это нетерпение, на самом деле, могло выдать девушку. Вот сейчас, например, оно выражалось в её упрямо дёргающейся на ноге, которой она бессознательно била ножку стола.

Девушка осмотрела его. Трапеза заканчивалась, а потому больше половины учеников уже здесь не было. Воздух был густ от запахов еды, и одинокие крошки на скатерти казались единственными собеседниками. Взгляд её упал на компанию «классных девчонок». Тех самых, которые отчего-то стали популярными и все безумно хотели попасть в их компанию. Только вот Карла искренне не понимала, в чём выражалась их крутость, разве что в громком, немного фальшивом смехе, разносившемся по залу.

Она с отвращением отвернулась, но затем снова вернула взгляд. Думала, показалось, но нет. В этой компании сидела Оливия. Она активно участвовала в разговоре и также наигранно смеялась, запрокидывая голову. Ни за что в жизни Лайтвуд не поверила бы, что ей правда с ними интересно.

Но теперь девушка почувствовала себя изгоем. Одиночество, прежде бывшее фоном, вдруг стало осязаемым, как холодная стена за спиной.

Этот неожиданный спортивный успех не приносил ожидаемого удовлетворения. Слишком многим уж приходится теперь жертвовать. Ей вдруг остро захотелось поделиться своими находками и теориями с Лив, прошептав всё на ухо, как в старые добрые, но огорчение сменило предвкушение от возможного рассказа. Как минимум, подруга всё ещё продолжала её игнорировать. Ну и как факт... Она просто не могла подвергать её такой опасности.

И только сейчас по-настоящему осознала, какую цену приходится платить.

– Доклад, который я задам вам к следующей неделе, будет парным, – строгим голосом отточила преподавательница по психологии. – У нас осталось пять минут до конца занятия. Этого хватит, чтобы разделить вас на пары.

Она начала перечислять фамилии, и Карла скучающе отвернулась к окну, внимательно следя за тем, как по стеклу стекали редкие капли дождя, оставляя за собой мокрые следы, пока вдруг не услышала свою фамилию.

– Мисс Лайтвуд... хм. И мистер Блэквуд, – женщина ухмыльнулась своим мыслям и стала перечислять фамилии дальше.

Ну нет, это не всерьёз... Сердце ёкнуло, сделав в груди неправильный, лишний удар. Девушка повернула голову вправо – за парту, где сидел парень. Ей не пришлось ловить его взгляд, потому что он уже смотрел на неё. И в его непроницаемых глазах трудно было что-то прочесть. Он отвернулся первым, и она вновь посмотрела в сторону окна. Но теперь дождь за ним более не привлекал её внимания.

Может, они как раз обсудят их находку. Или придумают дальнейший план действий. Или решат, кому можно доложить о происходящем. Или...

– Лайтвуд! – она встрепенулась от резкости того, как её вырвали из собственных размышлений. Над ней возвышался логос, и она огляделась. Класс был почти пуст, и тишина в нём звенела. Пока голову её заполняли размышления, преподавательница всех отпустила и ушла сама.

Девушка поднялась со стула, собирая вещи в сумку и закидывая её на плечо, ощущая, как дрожали пальцы.

– Встретимся вечером в библиотеке, – отточил он, и в голосе пронеслась привычная сталь. Как будто между ними не висела общая тайна. Как будто они не убегали вместе от охраны сегодняшней ночью. Как будто... Не прижимались друг к другу от страха.

Девушка тяжело сглотнула. Перед глазами внезапно вспыхнула картинка: как тесно было в том проходе, как его руки прижимали её по обе стороны от лица, и как страшно было даже пошевелиться. Он мог тогда оставить её. Это было бы логично для него. *Минимизировать риск.*

Не оставил.

Эта мысль заставляла её чувствовать себя неудобно, и она повела плечом. Марк уже вернулся, чтобы уйти, но она остановила его вопросом:

– Я... В смысле, зачем? – он посмотрел на неё с недоумением.

– Обсудить доклад, разумеется. – в его глазах читалось старое презрение, и Карла ощутила неприятный укол в груди. Доклад. Да, точно. О чём ещё она могла подумать? В любом случае, она смотрела, как он уходит, и в груди поселилась настойчивая надежда, что помимо доклада он всё-таки обсудит с ней их общую находку.

Воздух висел, тяжёлый от невысказанных предположений и едва сдерживаемых теорий, и Марк чувствовал, как всё тело натянулось, словно струна, когда рядом сидела Лайтвуд и насмешливо язвила. Каждое её слово било точно в цель, отзываясь глухим раздражением где-то под рёбрами. Она не упускала ни одной возможности ткнуть его во что-то носом, хотя, казалось бы, им нужно было всего лишь подготовить доклад.

Но вместе расследовать тайные подвалы оказалось легче.

– В чём ты пытаешься меня убедить? Я тебе привожу доводы из учебника, – парень едва сдерживал раздражение, сжимая пальцы на клавиатуре так, что кости побелели.

– Значит, это плохой учебник! Потому что этот абзац – полный бред. Как на выбор профессии может влиять логика? – она отвернулась, уткнувшись взглядом в книжные стел-

лажи библиотеки. Несколько пар глаз начали озираться на них, недовольные поднятым шумом. Парень заметил это и стал говорить тише:

– Некоторые люди просчитывают всё наперёд, в том числе и своё будущее. Они выбирают профессию, исходя из её практичности, – Блэквуд наклонился к ней как раз в тот момент, когда она резко развернулась, хлестнув прядями волос по лицу. Её волосы пахли яблоками, и этот простой, домашний запах показался неожиданным здесь, среди академической строгости.

– Гхм, плевать. Это всего лишь доклад.

Марк решил не продолжать этот бессмысленный спор, возвращаясь к оформлению доклада. Он выпрямил спину, возвращая своё внимание к монитору ноутбука.

– Просто... Диктуй текст, Лайтвуд.

Брюнетка закатила глаза и, облокотившись о спинку стула, взяла учебник в руки. Она закинула ногу на ногу, читая вполголоса.

– Либо сядь ближе, либо читай громче, – выплюнул парень, с раздражением поворачивая голову к ней.

– Хочешь, чтобы нас вообще выгнали? Тогда читай сам.

Она с раздражением и громким стуком бросила книгу на стол, складывая руки на груди, как обиженный ребёнок. С другой секции библиотеки на них снова обернулось несколько человек. Марк сделал тяжёлый вдох, не понимая, за что ему в пару досталась именно она. Студент попытался мысленно систематизировать её поведение. Он перебирал варианты: стандартное противостояние, усталость, желание его позлить. Но всё это было мелко, поверхностно. Глубинная причина, как он начал подозревать, была в их общей тайне. Страх искал выхода, превращаясь в агрессию. Она боялась, и он это понимал – потому что сам испытывал то же самое.

– Ты можешь просто уйти, и я сделаю всё сам, – она вдруг выпрямилась, хватаясь за ручки своего стула и развернувшись всем корпусом к нему.

– Ну уж нет. Я бы, несомненно, предпочла готовить доклад с кем-то другим или вовсе одна, но я тебе не позволю сделать всю работу, чтобы потом был повод меня вечно попрекать.

– Такого ты мнения обо мне?

– Интересно, почему должно быть иначе.

Парня задела её слова. Он мысленно отметил парадокс: её недоверие ранило сильнее, чем открытая вражда. Почему? Потому что за несколько дней их вынужденного альянса он начал воспринимать её как единственного человека, который понимает реальное положение вещей. Её низкая оценка его личности ставила под сомнение саму возможность этого альянса. Он и сам не понимал, почему, но что-то под кожей неприятно зашевелилось при мысли о том, что она действительно так думает. Она его даже не знает, чтобы делать такие выводы. Очередная глупость с её стороны. Совершенно ничего нового.

– Что, нечего ответить? Ну, видимо, я попала в яблочко.

В очередной раз он не ответил. Марк решил подумать, откуда в ней было столько злости сейчас, если они уже работали в паре и справлялись неплохо. Да, были моменты несогласия, но не так, как сейчас. Такое ощущение, что истинная причина была в другом.

Может, ей не терпелось продолжить их «расследование». Может, она боялась быть пойманной. А, может, с ней тоже уже поговорили. Но тогда она бы наверняка рассказала... Или нет? Он же почему-то молчал до сих пор. Наверное, и не стоило. Если Илона Вейн вызывала её на разговор тоже, нужно показать, что она не одна.

– Со мной говорили, Лайтвуд.

– Что? – слишком громко выпалила она, и Марк заметил, как покосились на них проходящие мимо студенты.

– Тихо.

Он поднялся со своего места и жестом головы приказал подняться следом. Не понимая, что происходит, она отодвинула стул и встала тоже. Брюнет отошёл к окну, чтобы их точно

никто не услышал, и она последовала за ним. Он подошёл ближе, чтобы она могла услышать его шёпот, и ей снова пришлось задрать голову, чтобы смотреть в глаза.

– Сегодня утром Вейн ясно дала мне понять, что за мной следят.

– В каком смысле следят? – во взгляде девушки исчезло презрение и загорелся огонёк беспокойства, смешанный с любопытством. Значит, Марк был прав. Она переживала из-за их общего дела.

– Она знает о том, какие материалы для изучения я беру, и что покидаю своё крыло после отбоя.

– Тебя... видели?

– Не думаю. Но нам нужно быть более осторожными. Даже у стен тут есть уши, – парень осмотрелся, а Карла стала разглядывать его профиль, анализируя сказанное. Убедившись, что вокруг никого нет, Блэквуд вернул свой взгляд к девушке и встал ещё ближе. – Надо изучить их методы. Не лезть в пепелище, а наблюдать за теми, кто в него входит. Собирать данные. Анализировать, – Лайтвуд была согласна. Наверное, впервые в жизни она понимала, что лучше довериться логике, нежели подвергаться чувствам. – Я продолжу изучение документа, а ты...

– Я понаблюдаю за людьми, – она определила для себя задачу сама, и Марк утвердительно кивнул.

– Да.

Разговор был окончен, но отчего-то они не спешили отходить. Между ними возникла новая, хрупкая тишина, наполненная не обменом колкостями, а общим осознанием опасности. Девушка продолжала смотреть в его глаза, словно выискивала ответы на вопросы, которые не озвучивала.

Стоило ему подумать о том, что обсуждать здесь больше нечего, как она тут же сделала шумный вдох и пошла обратно на своё место, словно отступая от края пропасти.

Они доделали доклад в молчании, что нарушалось лишь тихой диктовкой предложений. Задумчивость сменила враждебность, и, заканчивая писать, Марк вдруг подумал о том, что это молчание было громче любого спора. Оно было насыщено общим страхом и внезапным, острым пониманием того, что эта девушка, со всем её раздражающим упрямством, сейчас – единственный человек во всём мире, с которым он связан тайной.

Когда их работа была закончена, он позволил ей уйти, не проронив ни слова.

Глава 5. Горький вкус победы.

Начало октября выдалось на удивление тёплым. Лето не разжимало свои тиски, прогуливаясь среди деревьев в виде тёплого ветра и оставшихся зелёных листьев на деревьях. Воздух был густым и сладким, пахнул спелыми яблоками и увядающей листвой. Прошло около двух недель с последнего разговора Марка и Карлы. Они договорились о затишье, но, по её мнению, оно немного затянулось. Девушка продолжала думать об этом проклятом документе и каждый раз одёргивала себя, когда хотела подойти к логосу и спросить, на каком этапе находится его расследование. Пальцы непроизвольно сжимались в кулаки, когда она вспоминала его спокойный, расчётливый тон: «Ждём. Не привлекаем внимания.»

Он ясно дал понять, что сейчас им нужно бездействовать. Но собственное нетерпение раздражало сильнее его расчётливости.

Девушка всё чаще встречала «странных» учеников, абсолютно пустых, и не понимала, как не замечала их раньше. Их стеклянные взгляды заставляли мурашки бегать по коже. Её внимание привлекли их отточенные, почти механические движения, будто кто-то дёргал каждого за ниточки.

А ещё была Оливия, которая, кажется, нашла себе новых друзей... Да, она всё чаще показывалась в компании тех самых «классных» девчонок и совсем забыла о бывшей подруге. Это задевало. Сильно. Боль от этого предательства была острой и физической, будто кто-то проводил лезвием по коже. Карла сжимала зубы, чувствуя, как горчит на языке вкус былой дружбы. Она могла бы попробовать подойти и поговорить снова, но... вдруг решила, что хватит унижений.

К ней вдруг прицепился парень с команды. Тот самый новенький, который пришёл на игру вместе с Карлой. Майк, кажется. Его внимание стало напоминать назойливый писк комара, от которого не спрятаться – ни на тренировке, ни в общей гостиной (они были на одном факультете). Прямо никуда от него не деться. Раздражал.

Но это раздражение было другим. Совсем иное она испытывала при виде Блэквуда. То можно было сравнить с назойливой мухой, которая просто летала на фоне и бесила своим жужжанием. Но ты можешь мириться с её присутствием и просто не обращать внимания. В ситуации с логосом это было больше похоже на тень, осязаемую и почти материальную, которая преследует тебя везде. Только если муха делала это по собственной воле, то здесь... Воля Марка как раз выражалась в том, чтобы держаться подальше. Но отчего-то он всё равно постоянно был где-то поблизости. Просто если раньше для Карлы существовали только логосы, сейчас почему-то существовали логосы и Блэквуд. Отдельно. Всё это безумно раздражало. Это всё стресс. И нервное ожидание. Она просто не понимала, когда ждать от него каких-то решений и оттого постоянно об этом думала. Чистая психология.

Феликс наблюдал за тем, как Марк что-то бормотал себе под нос уже второй час, отложив учебник по квантовой механике. Они встретились в библиотеке случайно и решили сесть вместе, но тишина между ними была неестественной, натянутой, плотной, как смог. Парень занимался не каким-то школьным проектом... В бумажке, над которой он так долго восседал, мелькали слова по типу «коррекция, протокол А, отказано» и всё в этом духе.

В общем и целом, что-то абсолютно нелогичное. В последнее время Феликс всё больше замечал, как лучший друг стал одержим чем-то, выходящим за рамки. Эта одержимость оставляла на его лице резкие тени под глазами. Он хотел ему сказать, но до сих пор молчал.

Блэквуд тем временем зарылся пальцами в тёмные локоны, растрепав причёску, будто он пытался вырвать ответы прямо из собственного мозга. Чувствовал, как от бессилия у него сводило скулы. Марк пытался расшифровать эту бумажку уже больше недели или около того,

но его не покидало ощущение, что он просто ходил по кругу. Ничего похожего не было найдено в архивах или хотя бы в одной библиотечной книге. И тогда он стал анализировать сам. Во всём файле неоднократно повторялось слово «коррекция». Что оно могло бы значить само по себе? Какое-то исправление, что-то, подлежащее изменениям. Но каким... и что именно. Пангея пытается изменить какие-то правила? Или политику? Единственное, что удалось понять, что «коррекция» – это система, процесс с несколькими стадиями.

Но больше ни одной веточки, за которую можно было бы зацепиться. Они нашли лишь верхушку айсберга. Это било по самолюбию логоса, которому всегда не доставляло особого труда решать такого рода «головоломки». Но эта... была чем-то иным. И он уж какой день бился над тем, чтобы хоть на шаг продвинуться вперёд.

И не выходило.

– Ты что-то скрываешь? – в запутанное мыслями сознание ворвался обеспокоенный голос Феликса, который прозвучал как выстрел в гробовой тишине зала. Парень вопросительно на него посмотрел. – Это как-то связано с Лайтвуд? – вот чёрт. – Вы слишком часто стали пересекаться.

Внутри всё похолодело, когда он услышал знакомую фамилию. Марк почувствовал, как кровь отлила от лица. Феликс не должен ничего знать. Ни про их дело, ни про коррекцию, ни про сотрудничество с Лайтвуд.

– Это здесь ни при чём. Я работаю над проектом.

Брюнет увидел бы, как сузились и наполнились подозрением глаза лучшего друга, если бы посмотрел на него в ответ, а не резко собрал вещи и ушёл. Да, он просто сбежал от ответа. Но Феликс всё равно бы ему не поверил. А подвергать опасности ещё и его... Было бы неправильно.

Через два дня почти вся Пангея собралась на залитых солнцем трибунах, чтобы болеть за свою команду против другой школы. Стадион гудел, как встревоженный улей, воздух дрожал от возбуждённых криков. Это был первый раз, когда команды внутри одной школы, которые соперничали на других матчах, сейчас объединились против другой. Логосы и катарсисы вместе.

Как иронично.

Марк был искренне удивлён, когда узнал, что тренер принял решение назначить Лайтвуд в стартовый состав. Объяснил он это тем, что её «непредсказуемость» может стать их козырем. Пф, как же. Парень в очередной раз был не согласен. Знакомое раздражение подкатило к горлу. Они слишком часто стали пускать всё на самотёк. А нужна была железная, выверенная стратегия. То, что он тренировал в себе на протяжении десяти лет. А не то, чем постоянно «хвалилась» Лайтвуд.

Их также заставили взаимодействовать перед самой игрой. Нужно было обсудить тактику. Обе команды стояли друг напротив друга, и каждый занимал определённую позицию, в то время как эти двое пытались разглядеть что-то в глазах друг друга. Она смотрела на него с вызовом, её подбородок был дерзко поднят, а во взгляде стоял немой вопрос, даже упрёк. Он же игнорировал этот взгляд, глядя куда-то поверх её головы, сосредоточившись на схеме поля, которая была куда проще и логичнее, чем эта девушка. Сейчас нужно думать о предстоящей игре. А в ней им предстояло быть союзниками, а не врагами.

К сожалению, конечно.

Игра была в самом разгаре. Солнце слепило, а воздух на поле был густым и раскалённым. Пангея открыто проигрывала. Точнее, начали они довольно неплохо, но сейчас счёт был 40/40, и золотистый, отполированный до блеска игровой шар преследовала команда другой школы. Если они его захватят и закинут в кольцо, проигрыша не избежать. Марк чувствовал, как гру-

бая ткань майки намертво прилипла к мокрой от пота спине, а в лёгких жгло при каждом вдохе, будто он глотал раскалённый песок. Он тяжело дышал, опираясь руками о колени, а в ушах стоял оглушительный гул трибун, сливавшийся со свистом крови.

Они явно делали что-то не так. Тактика не работала. Нужно было что-то менять. Взгляд его сам по себе метнулся к Лайтвуд. Она стояла, вытирая ладонью лоб, её плечи напряжённо вздымались, а на лице застыла маска такого яростного, почти отчаянного желания победить, что его на мгновение кольнуло где-то глубоко внутри. И зачем вообще тренер сказал играть по определённым правилам, если так хотел положиться на непредсказуемость Лайтвуд? Чего же теперь не дал ей шанса проявить себя? Кто знал, может, она бы и смогла выиграть для них хотя бы несколько секунд. С убеждением в том, что им больше нечего терять, с горьким осадком этой мысли на языке, Марк догнал брюнетку, на лице которой уже читалось разочарование, и крикнул ей, что справа поле пустое, пусть импровизирует. Сначала она, верно, подумала, что он смеётся над ней, потому что её глаза сузились от недоверия, но, увидев в его взгляде серьёзность и *доверие*, решила не мешкать.

Противники заметили её сразу. Два массивных форварда, словно скалы, бросились в её сторону, намереваясь помешать, и каждый направил в неё по серому, меньшему шару-помехе. Ей нужно было разворачиваться и бежать обратно, потому что при другом исходе они просто бы сбили её, и это в лучшем случае.

При мысли об этом Блэквуд почувствовал себя странно. Холодная волна прокатилась от затылка до пят, и он, не анализируя этого порыва, на чистом инстинкте бросился в её сторону.

– Лайтвуд, назад!

Она не разворачивалась. Казалось, она вообще не слышала его, превратившись в один стремительный порыв. Студентка не собиралась менять заданной траектории, совершая абсолютно нелогичный ход, и в этот момент основная сфера, которая могла принести победу, описав дугу, вдруг полетела в её сторону в тот момент, когда соперники почти поймали её. Сфера сбивала мелкие шары, которые летели прямо на Лайтвуд, и уже почти пролетела мимо, как она выставила руки в сторону и поймала его.

Она поймала его.

На секунду воцарилась абсолютная тишина, будто все зрители разом задержали дыхание. И затем трибуны взорвались. Рёв, крики, оглушительные аплодисменты – всё смешалось в единый ликующий гул.

Она принесла им победу.

Марк встал, словно вкопанный, посреди поля, и не мог поверить своим глазам.

Она только что... что?

Он чувствовал, как кровь отлила от лица, сменяясь горячей волной адреналина. К ней сбежались игроки Пангеи, подхватили на руки, подбросили в воздух. Её смех, звонкий и счастливый, пробивался сквозь общий шум.

Взгляд девушки вдруг начал бегать по толпе и остановился на нём. Её лицо украшала сияющая, победоносная улыбка, но взгляд, который встретила она, был совсем иным.

Марк злился. Не верил и злился.

И не потому что победу принесла она, а не он, а потому что она готова была принести её даже ценой своего... благополучия, жизни. Она неслась прямо под эти шары и не думала о последствиях вообще.

«А если бы? – стучало в его висках. – Если бы траектория была на сантиметр иначе? Если бы она оступилась? Если бы...» Его раздражало это ослепляющее, животное безрассудство. Абсолютное. И глупое. Оно не стоило того.

Улыбка спала с её лица, когда она увидела, как Блэквуд нахмурился, напряжённо о чём-то думая, сжал губы в тонкую белую полоску и отвернулся. Он уходил в противоположную от неё

сторону. Каждый шаг отбивал чёткий ритм в голове, пока он пытался выстроить логическую цепочку. Мысли разбегались, как тараканы в голове. Он думал только об одном:

Страх.

Откуда вдруг взялся? Чего он испугался? Того, что победу принесёт она, а не кто-то из логосов? Что план игры не сработает? Что его догадки окажутся неверными, и она не успеет поймать сферу?

Куча догадок в голове, но что-то внутри подсказывало, что это всё не то. *Оно* было глубже. Спрятано под слоем чего-то иррационального.

Даже если осознание не приходило к Марку в чистом виде, он понимал одно:

Он не имел права бояться за человека, который был лишь переменной.

Нужно было просто пойти к себе. Просто принять душ, просто лечь спать и забыть тот момент, когда вдруг сердце провалилось куда-то в желудок.

Вместо этого ноги сами понесли его к женской раздевалке.

Все остальные, в том числе логосы, окружили её плотным кольцом, хлопали по плечу, и их обычно надменные лица сейчас светились неподдельным восторгом. Её наконец приняли. Но внезапно эта победа, эта всеобщая любовь показались ей пустым, выеденным яйцом. Горький осадок его взгляда пересилил сладость триумфа.

Тяжёлый ком подкатил к горлу. Карла наблюдала за тем, как уходил Блэквуд, и удивилась своему порыву пойти за ним. Это было совершенно странной и внезапной мыслью, и девушка задумалась над тем, что бы ему сказала. Спасибо? За что? За то, что после двух недель молчания он бросил ей три слова и испортил всё впечатление от победы? Он просто рассмеётся ей в лицо.

«Я думал лишь о том, как принести нам победу. Всё логично.»

А что ещё? Конечно же, ничего.

Игроки поставили её на землю, когда к ней вдруг подошла Оливия, аккуратно положив руку на плечо. Лайтвуд развернулась и не поверила своим глазам.

– Ты... Хорошо сыграла, – сказала она с лёгкой, немного виноватой улыбкой и Карла широко улыбнулась в ответ, чувствуя, как в груди что-то болезненно сжалось от этой простой фразы.

– Спасибо!

После этого блондинка неуверенно отошла и направилась в сторону трибун, но её подруга искренне верила в то, что этот шаг приблизил их к примирению. Искренне, почти наивно верила...

Её ещё долго расспрашивали о том, какой тактикой она пользовалась, но вскоре её «украли» тренера. Они говорили очень много всего, в том числе хвалили, но почему-то абсолютно каждое слово проносилось мимо ушей, потому что перед глазами был его взгляд. Не пустой, а полный... Ярости? Разочарования? Из-за чего? Он ведь сам дал ей подсказку, и она последовала ей. Доверилась. И принесла школе победу.

Или он бесился именно из-за этого? Может, он на самом деле хотел её подставить, но не вышло? Но это... Почему-то она не верила. Точнее, ей не хотелось в это верить. Казалось, что если их связывала общая тайна, он не стал бы вставлять палки в колёса.

Хотя откуда ей было знать?

Они ведь на протяжении десяти лет только этим и занимались, движимые чистой ненавистью.

– Сегодня вы сыграли отлично, мисс Лайтвуд. А сейчас можете идти отдыхать, – сказала тренер «Катарсиса» в заключение своего монолога, и Карла, коротко кивнув, развернулась, чтобы уйти.

Трибуны опустели, и теперь стадион был тих, будто выдохнул после недавнего буйства. Она шла через пустое поле, не прерывая размышлений. Почему-то вкус победы горчил. А всё из-за этого... Удивительно, как он так легко испортил один из лучших моментов в её жизни. Просто одним взглядом!

Она раздражённо толкнула дверь раздевалки и с удивлением обнаружила, что никого уже нет. Неужели её так долго держали тренера, что все успели переодеться? Судя по всему, всё именно так, потому что шкафчики были раскрытыми и пустыми. Наверняка все спешили отпраздновать.

Воздух в раздевалке был густым и влажным, пах потом, старым деревом лавок и едва уловимым, приторно-сладким запахом женского шампуня. Следы недавней победы – разбросанные полотенца, брошенная на лавку экипировка – казались теперь не триумфом, а приговорными последствиями. Девушка тяжело вздохнула и уже взялась за края майки, чтобы потянуть её вверх, как вдруг сзади, прямо у неё за спиной, раздался мужской голос. Низкий, раскалённый от сдерживаемой ярости, он прозвучал как удар хлыста в гробовой тишине:

– Чем ты вообще думала, когда бросалась под эти шары?

Сердце Карлы провалилось куда-то в пятки. Она резко обернулась. Перед ней стоял Марк. его лицо было бледным от гнева, а в глазах бушевала настоящая буря. Она разозлилась на него ещё сильнее, только теперь ещё за то, что он до жути её напугал и ворвался без стука. Его плечи были напряжены, а кулаки сжаты так, что костяшки пальцев побелели.

– Какого чёрта ты здесь забыл? – выпалила она в гнев.

– Не отвечай вопросом на вопрос, Лайтвуд.

Да кем он вообще себя возмнил?

– Я думала над тем, чтобы принести победу! И, как видишь, это сработало, – она привычно сложила руки на груди, защищаясь, но под тонкой кожей на шее пульсировала жила, выдавая волнение.

– Перестань так беспечно относиться ко всему, что ты делаешь, – его голос вдруг стал чуть тише, и он сделал несколько тяжёлых шагов вперёд. Его тень накрыла её, и он отметил про себя то, как зрачки Карлы мгновенно расширились. – Я две недели работал над тем, чтобы разработать план, а ты хочешь всё разрушить из-за какой-то дурацкой игры? Помнится, тебе вообще не хотелось быть частью команды! – логос начал тыкать пальцем сбоку от её лица. Воздух свистел между ними, не касаясь кожи, но каждый раз она непроизвольно вздрагивала.

– А сам то лучше? Ты думаешь только об этом чёртовом плане, тебе глубоко плевать на других и что будет с ними! – её голос на мгновение дрогнул. Этот едкий тон задел Марка сильнее, чем он ожидал.

– Ты вообще думаешь, что говоришь? По-твоему, я стою наравне с теми людьми, которые скрываются внизу?

– Да, раз хочешь использовать меня в собственных интересах! – женский голос сорвался на крик, эхом отразившись от кафельных стен.

– Ты сама захотела в это ввязаться, я лишь обеспечиваю наш план осмысленностью, – он невольно подошёл ещё ближе, наседая, нарушая любую допустимую дистанцию.

– Вот именно, что ты просто обеспечиваешь, но ничего не делаешь. Мы две недели просидели в тишине и могли многое упустить!

– Ты и сама знаешь, что действовать сейчас было бы безрассудно!

– Да. Но моё безрассудство сегодня распространялось только на мою жизнь, так что не твоё дело, что я делаю и что буду делать!

Что-то в нём щёлкнуло. Тот самый холодный, сковывающий страх того, во что они ввязываются, смешался с яростью от её слепоты и вырвался наружу горячее, неконтролируемое лавой. Марк сжал губы до белизны и, вытянув правую руку вперёд, не схватил, а резко прижал девушку ладонью к дверце шкафчика, обхватив её шею. Касание было жёстким, но не удуша-

ющим – скорее, физическим воплощением его отчаяния. Металл шкафчика глухо прозвенел от удара. Она тут же вцепилась пальцами в его же руку.

– Не моё дело? – мужской голос стал тише, сиплее. Он чувствовал под своими пальцами учащённый, порхающий пульс на её шее. Кожа была обжигающе горячей, почти огненной. – С того момента, как мы нашли этот документ, твоя безопасность стала *моим* делом.

Его взгляд непроизвольно соскользнул с её глаз на губы – приоткрытые, влажные от быстрого дыхания. Всего на секунду. И в этот момент – странное чувство, пробившее грудь. Непонятное, но яростное ощущение того, что он сделал что-то *неправильное*. Осознание пришло не через мысли, а через телесность: тепло её кожи под его ладонью, прерывистое, горячее дыхание, касающееся его лица, сладковатый запах яблока от её волос, смешанный с запахом адреналина и пота, который он вдыхал.

Ему бы стоило отпустить девушку, но он вдруг увидел себя со стороны: его рука на её горле, её широко раскрытые, испуганные глаза, в которых читался не ужас, а шок. Он не просто коснулся её – он перешёл грань, которую сам же и установил.

Мгновение они стояли так, в неестественной, шокирующей близости, и его ярость исчезла, сменившись леденящим ужасом от собственного поступка. Рука сама разжалась, и он резко отдёргнул её. Отступил на шаг, потом на второй, ощущая, как земля уходит из-под ног.

Ни слова больше. Марк резко развернулся и почти выбежал из раздевалки, оставив Карлу одну в гробовой тишине и шоком от прикосновения, которое жгло её, как раскалённый металл, что приложили к коже. Она медленно провела пальцами по тому месту, где секунду назад была его ладонь. Кожа всё ещё пылала. Сердце бешено колотилось, сбивая дыхание.

Какого чёрта это было?

Шаг. Второй. Третий.

Поворот.

Следующий.

Он почти летел, словно выбежал напрямик из недр ада, пока страх сковывал его лёгкие, не давая дышать. В ушах стучала кровь, заглушая все остальные звуки. Он не видел перед собой ничего, кроме её лица – шокированного, с расширенными зрачками. Он чувствовал под пальцами её пульс, тот бешеный и живой ритм.

Что он только что сказал? *Что* он только что сделал?

Он не мог... не смел посягать на это, даже думать об этом, и страх уступил привычному ощущению ненависти. Он просто запутался. Слишком много стресса. Слишком много нагрузки.

Ему нужно успокоиться. Принять холодный душ, привести в порядок мысли, просто сесть и всё проанализировать. Как он поступал всегда.

Да.

Просто душ.

Просто кровать.

Просто анализ.

Просто...

Забывать.

Лёгкий запах её парфюма впился ему в лёгкие, будто острый нож под рёбра. Как ольфакторная галлюцинация. Ощущение её присутствия заставляло нахмуриться и обернуться, искать глазами.

Но была только комната, погружённая во тьму, и он, полусидящий, на кровати. Парень закрыл глаза. И тихий девичий шёпот где-то на задворках сознания, размытый и как будто доносившийся отовсюду:

– Марк?

Он широко распахнул ресницы. Девушка сидела на краю кровати, наблюдая за ним. Руки сложены на коленях, спина выпрямлена, а взгляд – словно ладонь, застывшая над кожей, но не касающаяся её.

– Что-то не так? – голос был ровным. Он словно доносился откуда-то снаружи, пока он сам был под толщей воды.

Парень нахмурился и попытался сглотнуть, но в горле было слишком сухо. Он сорвался на кашель, и Карла в одно мгновение оказалась рядом. Положила свои руки ему на колени.

В темноте блеснули её глаза, и он вдруг осознал, как они были близко. Она словно гипнотизировала, заставляла наклониться поближе. Потому что хотелось разглядеть.

И он подумал о том, что если...

Его ладонь несмело потянулась к её лицу и остановилась в паре сантиметров. Она не отталкивала. Не убегала. Не язвила. Не похоже на неё... Сердце грохотало где-то под рёбрами, когда она приняла это прикосновение. Слегка наклонила к нему голову, а он скользнул пальцами ниже, к шее.

Её кожа была горячее. Прямо как тогда, в раздевалке. Память о недавнем событии вплелась в происходящее сейчас, создавая пугающую достоверность. Она смотрела прямо ему в глаза. Распахнутые ресницы, расслабленные губы, распущенные волосы на плечах.

У него путались мысли. Путались мысли, мешая сознанию произвести привычный анализ. Кровь застучала в ушах. Чем больше он пытался всё проанализировать, тем сильнее чувствовал, как контроль от него ускользал.

Его словно парализовало, когда девушка медленно наклонилась к его лицу, наконец опуская взгляд ниже. Как только прямой контакт глаз исчез, Марк ощутил, что с его шеи словно сняли удавку. Кровать прогнулась под её весом, когда она упёрлась рукой в матрас сбоку от него.

Голова закружилась.

Она была тёплой.

Пальцы девушки коснулись бьющейся жилки на его шее, и он только сейчас понял, как бешено скачет его пульс.

Она отстранилась совсем немного, чтобы заглянуть ему в глаза, и он мог поклясться, что увидел улыбку на девичьем лице. Его рука потянулась к шее Карлы снова, но когда была буквально в сантиметре от кожи, её образ рассыпался в темноте.

Парень широко распахнул глаза, вздрогнув всем телом. Его лоб покрылся лёгкой испариной, по спине пробежала дрожь, а дыхание сбилось также сильно, как во сне. Первым делом мозг, отчаянно пытаясь вернуть контроль, выдал отчёт: «Парасомния. Сонный паралич с элементами гипнагогических галлюцинаций». Но следующая волна непонятного беспокойства, прокатившаяся по телу, ясно дала понять – это не было просто ночным кошмаром.

Марк еле ощутимо толкнулся бёдрами в пустоту, словно всё ещё был в том сне, и накрыл ладонью глаза.

Нелогично. Иррационально. Странно. Требовало объяснений. Марк хотел потребовать объяснений от собственного мозга, но тот выдавал лишь пустоту.

Парень облизнул сухие губы, чувствуя, как жажда из сна переросла в реальность. Воздух здесь был холоднее. Как и постель.

Он чертыхнулся, пряча лицо в ладонях снова на несколько секунд. Под веками вдруг всплыл образ из сна – расслабленные губы, осторожное прикосновение. «Требуется анализ. Нужно разложить событие на составляющие: триггер (ссора), физиологическая реакция (смятение), психическая проекция (сон). Итог: временное явление, не имеющее под собой реальной почвы». Вывод казался железным, но уверенности не внушал.

Марк, тяжело дыша, лёг обратно на смятые подушки и закрыл глаза, однако из-под век на него тут же взглянула она. Прямо перед лицом, упираясь рукой в кровать.

«Что-то не так?»

Глава 6. Сто шагов отчуждения.

– Таким образом, мы с вами переходим к темам ваших докладов. Кто-нибудь хочет ответить первым? – голос миссис Элси прозвучал как сквозь вату.

Карла сидела одна на последней парте, уперев голову в кулак, и пустым взглядом пялилась на строки в своей тетрадке. Солнечный луч, пробивавшийся сквозь высокое окно, поймал кружащиеся в воздухе пылинки, и она проследила за их бессмысленным танцем, пытаясь отвлечься. Но это не помогало.

Она вспоминала. Постоянно. Каждую свободную минуту. Как одержимая прокручивала в голове один и тот же момент снова и снова, как заевшую пластинку.

«Твоя безопасность стала моим делом».

Его низкий и сиплый голос звучал у неё в ушах громче, чем голос преподавательницы. Карла не могла понять. Ничего из произошедшего вчера она не могла понять. В голове стоял навязчивый, высокий металлический звон от её слабого удара головой о шкафчик. Перед глазами – его расширенные зрачки, поглотившие серую радужку, а в груди – сжимающийся ком от того самого прерывистого, горячего дыхания, что касалось её носа.

Его? Её? Или их обоих?

Она не помнила.

Помнила лишь то, как он опустил взгляд на её губы. Всего на секунду. Но этой секунды хватило, чтобы он заметила. Чтобы что-то щёлкнуло внутри. Почему она вообще это заметила? Как бы сказал Блэквуд, это было нелогично. То, что она вообще думала об этом. И всё же...

Что это было?

Взгляд упал случайно? Или нет? О чём он думал в этот момент? Почему ушёл сразу после, отскочил, словно его кипятком ошпарили? Посмотрел почти с ужасом. И просто сбежал. Она почувствовала себя обожжённой – и там, где была его ладонь, и там, куда упал его взгляд.

Что теперь? Как ей себя вести? Сделать вид, что ничего не было? Или заговорить об этом первой? Бред. О чём им говорить? Между ними ничего такого не было, а то, что было, его слова... Это ничего не значит. *Это не может что-то значить.*

Но почему тогда мысли об этом въелись в её мозг?

Может, он хотел её запугать? Унизить? Может, это была просто очередная попытка доказать своё превосходство? Но зачем тогда было уходить? Почему его пальцы не сжались сильнее, чтобы она стала его бояться? Ведь до тех пор она не страшилась его гнева. Потому что из неё сочился такой же. Отчего же нельзя было просто придушить её на месте за эту победу? Он же из-за неё так взбесился. Что она смогла. Сам дал подсказку. И сам же стал обвинять после.

Испугался последствий? Испугался, что если не сдержит себя, то его ценный «актив» в расследовании пострадает? Одному же ему не справиться. Да. Это логично. Всё ради плана.

Хватит...

Хватит вообще об этом думать. Это не стоит *ни-че-го*.

Никаких мыслей. Никаких размышлений больше.

Она выпрямилась, окидывая взглядом классную комнату, и он сам остановился на нём. Карла видела лишь его спину – непоколебимую. Он сидел в начале ряда. Слишком далеко от неё. Непривычно, учитывая то, в какой близости друг от друга они находились вчера.

Пе-рес-тань.

Её взгляд зацепился за то, как он сидел – неестественно выпрямившись, будто вкопанный, с напряжёнными плечами. Он не оборачивался, не участвовал в обсуждении. Не похоже на него. Это была не его типичная сосредоточенность. Это была глухая, почти зловещая отстранённость, будто он мысленно находился за тысячу миль от этого класса.

Брюнетка хотела хотя бы на секунду узнать, о чём он сейчас думает. И её рука непроизвольно, помимо воли потянулась к шее. Пальцы механически, почти болезненно, провели по тому месту, где вчера была его ладонь. Кожа подушечек ощущала это жгучее тепло, эту память о прикосновении.

Она закрыла глаза, и мозг, словно предатель, тут же начал рисовать дальше. Сам. А если бы он не отступил? Если бы его пальцы не разжались, а скользнули выше, в её волосы? Если бы его взгляд, вместо того, чтобы бежать, продолжил изучать её губы, а потом...

Она резко распахнула ресницы, в ужасе отбрасывая эти возможные сценарии в голове. Сердце колотилось где-то в горле. Она панически оглядела класс, словно кто-то прямо сейчас мог прочесть её мысли, но в голове уже ясно вырисовалась картинка: он наклоняется, его дыхание смешивается с её, и...

В низ живота неожиданно ударила влажная, горячая судорога, и девушка шумно выдохнула при мысли об этом, заставив соседа по парте в непонимании обернуться. Это был ужас... Этот исход не был бы логичным, как и то, что она подумала сейчас *о таком*. С ним. Сама вообще поняла, что сделала?

Но вот она уже мысленно хватается за края майки, прижимая ответно к себе, и стук её собственного сердца начинает отбивать тот же бешеный ритм, что и вчера.

– Отличная работа. Так... Теперь давайте послушаем заключительный проект на сегодня – доклад мистера Блэквуда и мисс Лайтвуд, – жар в животе сменился на бегущий по спине ледяной ручей. Только не это.

Студентка наблюдала, как парень встаёт со своего места, не глядя ни на кого, и направляется к доске с лицом человека, идущего на эшафот. Она неуверенно поднялась следом, чувствуя, как ноги стали ватными. Карла взяла свои бумажки, и её пальцы заметно дрожали, заставляя листки шелестеть. Она медленно шла через весь ряд, и ей казалось, что все глаза в классе буравят её спину, видя её смятение. В голове роились сотни мыслей, но все они сводились к одной.

Как себя сейчас вести?

Парень же выглядел абсолютно спокойным и равнодушным. Он не смотрел на неё, в то время как её взгляд лип к его профилю, выискивая хоть одну трещину в этом ледяном фасаде. От нервов. Это всё, конечно же, было от нервов.

Она встала рядом с ним, но Блэквуд, не глядя, сделал красноречивый шаг в сторону. Между ними образовалась зияющая пустота в полтора метра. Зачем? Девушка тяжело сглотнула, чувствуя, как горький ком подкатывает к горлу, и, нелепо оглядывая это расстояние, медленно отвернулась. Уткнулась взглядом в свои бумажки с заметками. Брюнет вставил в компьютер флэшку и открыл презентацию, которая транслировалась на большой экран.

Просто потерпеть десять минут...

– Первый раздел нашего исследования посвящён когнитивным искажениям... – он начал первым. Его голос прозвучал ровно, чисто и безжизненно. Пока всё по плану. Ей нужно просто слушать и ждать. Всего-то. Ничего сложного. Абсолютно. – Как видно из графика, принятие решений на чистой логике снижает количество ошибок на семнадцать процентов.

Взгляд Карлы опять метнулся к нему. Его тело было повёрнуто к её, но только потому что он указкой показывал что-то на экране. Рукава его рубашки были закатаны, обнажая крепкие, с проступающими венами предплечья. Они вздувались и выпирали, когда он сжимал предмет, и Карла часто заморгала, сбрасывая наваждение. Ей вдруг с болезненной чёткостью представилось, как эти руки снова касаются её кожи, сжимают шею. Как вчера.

Да что с ней происходит?

Это длилось три мучительных минуты, когда Марк сделал паузу, и Лайтвуд приняла это за знак. Зелёный свет, что теперь говорить может она. Девушка прочистила горло, и прочитала

первое предложение с бумажки, но он практически сразу перебил её, говоря о том же, о чём говорила она, просто другими словами.

Студентка метнула в его сторону хмурый растерянный взгляд.

– Однако, – она заставила себя заговорить снова, и её голос прозвучал чуть хрипло, – нельзя отрицать роль интуиции в критических ситуациях, когда времени на анализ нет. Например, в спорте...

– Это частный случай, не отражённый в нашей выборке, – он парировал, даже не повернув головы. Его слова были обезличенными, будто он цитировал учебник. – Обобщение на основе единичного наблюдения – логическая ошибка.

Карла почувствовала, как краска заливает её щеки. Она видела, как уголок его рта на долю секунды дёрнулся вниз, в гримасе раздражения.

– Но жизнь состоит из «частных случаев»! – выпалила она, уже не сдерживаясь. – Не всё можно втиснуть в графики и протоколы!

В классе повисла неловкая тишина. Мисс Элси подняла бровь.

Марк наконец медленно повернул к ней голову. Его глаза скользнули по ней, как по неодушевлённому предмету, и снова устались в экран.

– Эмоции – лишь оценочное суждение, – произнёс он ледяным голосом, отчеканивая каждое слово. – Задача разума – фильтровать шум.

Она стояла, чувствуя, как ярость пульсирует у неё в висках. Это была не их старая, горячая ненависть. Это было что-то новое и пугающее – тотальное, бесчеловечное игнорирование. Он буквально стирал её из реальности. Своей, любой, да даже её собственной! Она чувствовала себя невидимым призраком.

– Отличная работа. В качестве заключения, задам вам обоим вопрос, – голос мисс Элси вернул её в реальность. Преподавательница смотрела прямо на Карлу, очевидно, ожидая, что та, наконец, выскажется. – Возможно ли, по вашему мнению, при выборе профессии опираться и на логику, и на чувство?

Карла глубоко вдохнула, собираясь с мыслями.

– Я считаю, что можно, но в первую очередь стоит ориентироваться на чувство, потому что именно оно...

– Этот аспект мы уже раскрыли в третьей главе, – Марк перебил её, и его голос был таким острым и холодным, что, казалось, режет воздух. – Если вы не против, мы перейдем к выводам. Истина не является производной от чьих-либо личных переживаний.

Преподавательница, сражённая такой железной решимостью, лишь коротко кивнула. И тогда Карла увидела самое унижающее. Он физически, демонстративно развернулся к ней спиной, загораживая собой экран, и закончил презентацию в полном одиночестве.

– Таким образом, рациональный подход является не предпочтительным, а единственно верным.

Он закончил. В классе зааплодировали. Карла стояла, вжавшись в пол, её руки бессильно опустились вдоль тела. Она смотрела на его спину – гордую, неприступную, отрезавшую её от себя – и чувствовала, как по телу медленно растекается унижение, горькое и обжигающее, как кислота. Ярость ударила в голову, вытесняя оттуда любые прошлые мысли о том, что вчера могло бы быть. Да, теперь она понимала. Война объявлена. И он выбрал самое страшное оружие – полное отрицание её существования.

Третий день. Карла заметила то, как сидел за обедом Блэквуд за отдельным столом. Он как будто отгородился ото всех учебником по... Она не видела названия. Впрочем, это и неважно. Он смотрел пустым и остекленевшим взглядом на эти страницы и за последние пять минут ни разу даже глазом не повёл. Рядом с его ладонью лежало яблоко. Совершенно целое и ни разу не укушенное, с глянцевой, не тронутой зубами кожей.

Сегодня был уже третий день с момента их последнего разговора. Если его вообще можно было назвать таковым... Это была самая настоящая пытка молчанием, растянувшаяся в тикающие секунды, в гул столовой, в каждый неуместный взгляд. Карла до сих пор чувствовала, как яд его холодности медленно разливается по её венам, вызывая тошнотворное жжение под кожей. Чем она заслужила такую «расправу»? Это было по-взрослому? Разве так поступают люди, которым за двадцать? И вообще... Что теперь с документом? А с их делом? Они больше не сотрудничают? Ей стоит действовать дальше одной? Ощущение пустоты в месте, где всего две недели назад стояла общая цель, было почти физическим.

Все эти вопросы, которые оставались без ответа, давили на девушку и мешали спать, смешиваясь со снами. В некоторых из них их ловили охранники в подвале, и холодный металл наручников больно впивался в запястья. В других же Марк каждый раз куда-то исчезал прямо в тот момент, когда был нужен больше всего. Его силуэт просто растворялся в темноте, и она оставалась одна. Как сейчас. А в третьих...

В третьих они снова застревали в том тесном проходе в подвале, но уже не для того, чтобы спрятаться. В этих снах не было воздуха, было только его дыхание, смешанное с её, и тепло его ладони на её шее, которое больше не было жестом агрессии, а было... прикосновением. И её тело в ответ не цепенело от страха. Оно плавилось. Эти сны выбивали из колеи сильнее всего, оставляя по утрам влажный след на спине и стыдное, навязчивое тепло внизу живота. Откуда им вообще было взяться? Какие такие чувства могли смешаться настолько, чтобы вылиться в *это*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.